

ОМУТ

Владимир Бригинец

Владимир Бригинец

Омут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70006741

SelfPub; 2023

Аннотация

Встреча с таинственной незнакомкой переворачивает жизнь кроткого клерка с ног на голову, превращая серые будни в настоящий кошмар.

Содержание

1.	5
2.	11
3.	16
4.	25
5.	34
6.	44
7.	52
8.	59
9.	67
10.	74
11.	83
12.	92

Владимир Бригинец

Омут

«Мне снился кошмарный сон, и, как в любом кошмарном сне, там скрывалось чудовище».

1.

По четвергам мы заканчивали работу в шесть вечера. Главным заводилой был высокий худощавый мужчина по имени Кросс. Он еще за час до окончания трудового дня слонялся от стола к столу и поторапливал каждого из нашей компании. Не могу сказать точно, как к подобному действию относилось руководство отдела, однако никаких выговоров Кроссу не приходило.

Ровно в шесть переставали стучать печатные машинки. Люди вставали со своих мест, поправляли прическу, приводили себя в порядок и торопливыми шагами направлялись к выходу. Спускались на лифте на первый этаж и обменивались скромными новостями. Сплетничали, обсуждали начальство или мелкие интрижки среди коллег.

Затем, очутившись на улице, сломя голову неслись в ближайший кинотеатр.

Все дело в том, что по четвергам в нашем городе обычно проводились закрытые показы авторского кино. Например, здесь, в кинотеатре «Роден», можно было шедеврами выдающихся режиссеров, снимающих фильмы со скромной припиской: «кино не для всех».

Знали бы вы, сколько людей мечтают попасть на подобные сеансы! Билеты скупаются за месяц до премьеры, и их совсем немного. Зал рассчитан на двадцать-тридцать чело-

век, но зачастую народу набивалось столько, что сигаретному окурку негде было упасть. Запретный плод сладок. Любое подпольное действие рано или поздно привлекает внимание все большего круга лиц. Друг приводит друга, компания из трех человек становится компанией из шести и так далее. Конвейер запущен, желающих приобщиться к чему-то необычному и недозволенному с каждым новым сеансом становится все больше.

Особым спросом пользовались фильмы режиссера, которого в народе называли Немой. Никто и никогда не видел лица этого человека. В газетах и журналах выходило крайне мало материала об этой таинственной и неординарной личности. Поклонники его творчества жадно облизывали каждый кадр его новой картины. Они видели в них глубокий, чарующий смысл, который автор так трепетно преподносил своему зрителю.

Фишкой этого режиссера был короткий метр. Небольшие произведения, хронометраж которых зачастую не превышал получаса. Здесь было все: любовь и ненависть, смерть и рождение новой жизни, повседневная обыденность и невероятные сюрреалистические эпизоды. Находясь здесь, в тесном зале, в полумраке, среди десятков пар глаз, устремленных на черно-белый экран, невольно проникаешься всеобщей атмосферой, пропитываешься ею, словно губка, становишься свидетелем столь удивительных событий, к которым твой разум был совершенно не готов. Паришь над землей, в запре-

дельной реальности, за гранью понимания. Одним словом, становишься частью культуры, которая неподвластна большинству умов. Ассоциируешь себя с высшим существом. Именно эти эмоции берут верх во время просмотра картин Немого режиссера.

Вы спросите: почему же все-таки «Немой»? Отвечу. Никто не может с точностью утверждать, что именно хотел сказать автор. Его произведения не поддаются анализу. Они настолько глубоки и многогранны, что каждый видит в них что-то свое. Отсюда и народное название – Немой. Художник, который пытается говорить со зрителем, но, увы, его никто не понимает.

Впервые я очутился на закрытом показе примерно с месяц назад.

В общей курилке, что располагалась на лестничном пролете между десятым и девятым этажом нашего офисного здания, после обеда собиралась большая компания. Шли бурные обсуждения новинок кинематографа, в частности, «авторского» жанра. Люди делились своими впечатлениями, обсуждали взлеты и падения в карьере тех или иных артистов. Подмечали тонкие режиссерские ходы в просмотренном накануне фильме. Нельзя сказать, что я был фанатом кино, однако желание приобщиться к этим интереснейшим спорам появилось само собой.

Коллеги, с которыми мы раньше пересекались только на проходной в начале или конце рабочего дня, вмиг предстали

передо мной в образе редких интеллектуалов, знатоков жизни, познающих смысл бытия через просмотр той или иной картины. Они с легкостью давали анализ моим суждениям, и в какой-то момент я стал чувствовать себя неловко, поскольку мои познания в области важнейшего из искусств были крайне скудны.

С тех самых пор каждый четверг мы собирались определенной компанией и направлялись в кинотеатр «Роден», где в одном из маленьких залов, специально отведенных руководством кинотеатра для демонстрации фильмов, не выходящих в широкий прокат, я стал постигать данную ветвь искусства.

Кстати говоря, я женат. У меня есть дочь – Мила. Ей десять лет. Учится в школе, получает средние оценки, любит подолгу засиживаться за художественной литературой. В ее возрасте я был примерно таким же. Необщительным, застенчивым, предпочитающим уединение. Не берусь утверждать, что с возрастом подобные вещи проходят, однако какие-то перемены все же наступают.

Моя жена Сара работает в ювелирном магазине. Она вежливая, заботливая, в меру веселая женщина. Наше знакомство состоялось на дне рождения нашего общего приятеля.

Сейчас всего и не вспомнить, разве что длинный стол, большое количество выпивки и закусок. Играла громкая музыка, велись разговоры. Я до последнего не обращал на нее внимания. Но время шло, градус алкоголя в крови повышал-

ся – и вот через некоторое время мы уже танцуем в объятьях друг друга.

Да, все было примерно так.

Сыграли скромную свадьбу, на которую были приглашены родственники и несколько близких друзей. Спустя год родилась дочь. Вся жизнь медленно, но верно устремилась в определенное русло. Хотел ли я, чтобы все сложилось именно так? Кто знает. В любом случае, прошлое не изменить, остается только двигаться дальше.

По утрам мы завтракаем вместе. Жена готовит яичницу, разливает по кружкам сок или же кофе, поджаривает тосты. Разговариваем мало, все больше слушаем радиоприемник, передающий новостные сводки. После я уйду на работу. Сара отводит Милу в школу и отправляется в ювелирный магазин.

Мы живем в многоквартирном панельном доме, на четвертом этаже. У нас три комнаты. Жена следит за порядком, поэтому генеральную уборку мы делаем строго раз в неделю. Иногда к нам в гости приходят наши соседи. Они приносят бутылку вина, и мы подолгу сидим на кухне, курим и дискутируем на разные темы.

Что касается моей работы. Начинал я в одной конторе по сбору аналитических данных, сразу же после института. Не сказать, что я был душой компании. Скромно сидел за своим столом, особо не вмешиваясь в жизнь коллектива. Спустя месяц меня сократили. Не прошел испытательный срок,

хотя и дураку было понятно, что я просто им не понравился как человек.

Через некоторое время устроился в другую контору, занимающуюся бухгалтерским анализом и аудитом торговых фирм. Здесь мне нравилось куда больше. К слову, я и по сей день тружусь в данной отрасли. Здесь никогда особо не интересовались моей персоной настолько сильно, чтобы я мог показаться им неподходящим коллегой. Я исправно выполнял свою работу, оперативно сдавал отчеты и на всех корпоративах старался поддерживать беззаботный вид.

Так проходила моя жизнь. Жизнь обыкновенного человека, мечтающего о чем-то большем.

2.

С Хлоей я познакомился случайно.

После одного из киносеансов наша компания направилась в ближайший бар. Уселись за большой стол, заказали пиво и разные виды закусок. Много курили, выпивали и общались на всевозможные темы. Звучал смех, присутствовало раздражение в голосе, кто-то перебрал и слишком громко высказывал свои соображения по тому или иному поводу. Я по большому счету молчал, скромно потягивая пенный напиток из своего бокала. Вся эта мишура была мне чуждой, никогда не любил подобные сборища.

Через некоторое время за наш столик присела еще группа людей. Официанты принесли стулья, чтобы хватило на всех.

К слову сказать, бар был небольшим, но уютным. Из динамиков играл джаз, приглушенный свет создавал интригующую атмосферу, и через некоторое время появилось ощущение того, что ты уже не в состоянии предсказать, чем закончится сегодняшний вечер. Знаете, то самое чувство, теряющееся с годами. Чувство неизвестности.

Она сидела напротив меня. Тонкие пальцы рук элегантно сжимали сигарету. Время от времени сигарета касалась красных губ. Затяжка. Клуб дыма так нежно, так неестественно аккуратно вырывался наружу и растворялся в пространстве. Каштановые волосы небрежно собраны в пучок,

но на лицо периодически падает непослушная челка, которую девушке приходится то и дело убирать за ухо. Незнакомка одета в элегантный костюм. Черный приталенный пиджак, белая блузка с широким воротом, обтягивающие бедра брюки. Она сидит нога на ногу, и мой взгляд мельком улавливает красоту ее туфельек, на высоком каблуке.

Через какое-то время я слышу, что кто-то называет ее по имени. Хлоя. Теперь я знаю, как зовут мое проклятье. Моего демона. Мое спасение и мою погибель.

Я заказываю еще бокал пива. В голове начинают путаться мысли.

Сидя здесь, в небольшом, но слишком людном баре, мне внезапно стало до боли приятно растворяться во всем этом сумбуре. Различать в общем гуле неразборчивые фразы моих коллег и сразу же терять их смысл. Вдыхать слабый аромат ее духов, кое-как пробивающийся через густоту сигаретного дыма. Видеть, как уголки ее губ приподнимаются в момент нелепой шутки. Замечать, как она смотрит в сторону другого мужчины и мысленно проклинать Создателя за то, что во всем мире существует кто-то еще, кроме нас двоих.

Выпив еще бокал пива, я наконец набрался смелости подсесть к ней ближе и заговорить. Мои слова звучали нелепо, почти ребячески. Я попросил угостить меня сигаретой, потом поинтересовался ее настроением, попытался сострить. Она все стерпела. Просто сидела рядом и улыбалась. Иногда ее брови хмурились, иногда поднимались вверх. Девушка не

пыталась отбить мой нахальный натиск. Мне казалось, что это сон, какая-то глупая игра, в которую я, не зная правил, решил вклиниться.

Потом я потащил ее танцевать. Просто взял за руку и сказал:

– Хорошая песня, пошли потанцуем.

Она потушила сигарету о пепельницу и беспрекословно проследовала за мной.

На танцполе слишком тесно, практически неудобно. Мы прижались друг к другу, но в этом хаосе мелодию было практически не разобрать. Нас задевали плечами проходящие мимо люди. Все было как-то небрежно, как-то неправильно.

Внезапно меня охватила злоба, какая-то глупая, наивная раздражительность. Я просто отпустил свою спутницу, схватил со стула портфель с документами и стремительно покинул питейное заведение.

Выбравшись наружу, я вдохнул свежего воздуха. Перед глазами все еще мелькало лицо новой знакомой. Помотал головой в надежде, что видение растворится. Помогло. Посмотрел на наручные часы: почти два часа ночи. Я давно уже должен был быть дома.

После этого меня будто бы окатило холодной водой. Вся эта легкость постепенно растворялась, оставляя меня один на один с реальностью. Утраченные чувства, которые возвращались в мою жизнь, столь стремительно пропадали, забиваясь в подкорку памяти. И вот я вновь стою один, замкнув-

шийся в собственной жалости к себе. Пустой, серый, однообразный. Достал из кармана помятую пачку сигарет, закурил и вялой походкой отправился домой.

Город уже спал. Улицы звенели своей тишиной. Фонарные столбы слабо освещали тротуары. Я шел совершенно один, размышляя о жизни. Мне было обидно от того, что обо всей этой истории, приключившейся в баре, мне некому было рассказать. Не с кем было поделиться своими мыслями, переживаниями.

Внезапно вспомнил о Немом режиссере. Вот кто способен понять мое внутреннее состояние. Ему бы не составило труда передать все то, что я чувствую, посредством своих фильмов. Ведь они именно такие, какими были мои собственные мысли. Фантаσμαгория. Полнейший сумбур и нелепость происходящего. Я в буквальном смысле слова захотел стать частью жизни этого таинственного человека. Слиться воедино с его образами, с его миром грез и фантазий.

Теперь я отчетливо представлял, чего мне так не хватало. Мне не хватало хаоса, встряски, полной перезагрузки. Я осознал, что жизнь проходит мимо меня, а я никак не успеваю догнать этот убегаящий вдаль поезд. Рутинa поедала меня заживо, целиком. Захотелось бороться, захотелось вырваться за рамки настоящего и перенестись в долину вседозволенности.

Мне ли вам рассказывать, что подобные решения гаснут с первыми лучами солнца. Когда звонит будильник, когда же-

на зовет вас на завтрак, когда вы с трудом открываете глаза и вас слегка мутит. Вы идете в ванную, умываетесь холодной водой, чистите зубы, опорожняете мочевой пузырь и ругаете себя за все то, что происходило накануне ночью. Увы, я ничем не отличаюсь от любого другого человека, перебравшего с алкоголем. Я такой же жалкий, такой же раздавленный и усталый.

Жене я говорю, что вчера праздновали день рождения одного из коллег. Потом молча проглатываю еду, заливаю ее кружкой кофе и, ненавидя себя до чертиков, собираюсь на работу.

3.

Весь следующий день я думал о вчерашнем вечере. За всю свою жизнь мне не доводилось бывать в похожих ситуациях. Испытывать то, что испытывал в тот момент. Разве что во время встречи с будущей женой, но это было другое. Вернее, сейчас я осознаю, что это было совсем другое. Другие краски, другие эмоции и ощущения. Мне казалось, что вчера я расцвел, но уверенности в этом, конечно же, не было.

За обедом, в столовой, сидел поодаль от своих коллег. Они, как обычно, что-то обсуждали, иногда смеялись и кивали в мою сторону. Я просто молчал, уткнувшись глазами в тарелку, и старался никак не реагировать на происходящее вокруг.

Можно ли назвать это стыдом? Наверное, да. Однако мне не было стыдно за случившееся. Впервые в жизни мне было приятно от того, что у меня появилась какая-то тайна. То, что принадлежало только мне одному. Эти переживания спрятались здесь, в груди, под самым сердцем, и они заставляли кровь бежать по венам в разы быстрее.

Словом, так проходили мои дни. Я стал задумчивым, отрешенным. В семейных делах принимал посредственное участие. Супруга интересовалась, все ли у меня хорошо. Я врал, говорил, что просто нет настроения. Просто навалилось много дел, но все скоро закончится. По вечерам я за-

сживался на работе допоздна, много курил, домой ходил пешком. Размышлял о жизни, о своей роли в ней, о прочих глобальных и не слишком вещах. Мне стало нравиться корчить из себя замкнутого в своих собственных мыслях человека. Ты словно становишься неуязвимым для внешних раздражителей. Обрастаешь панцирем, и никто в целом мире не способен пробить эту броню.

Опять ребячество. Знаю. Понимаю. В мои-то годы позволять себе такую юношескую непосредственность просто непозволительно. Я бы даже сказал – глупо. Однако ничего поделать с этим я не мог. Возможно, все происходящее со мной можно было бы назвать одним словом – влюбленность. Это светлое, неповторимое чувство. Самое сильное и самое невероятное, что может случиться с человеком в его жизни. Оно так скоротечно, так мимолетно. Многие не придают этому событию никакого значения, однако именно оно кардинально меняет всю вашу жизнь. С возрастом нам только и остается, что вспоминать это ощущение невесомости.

К счастью или к горю, но мне судьба даровала еще один шанс прикоснуться к сокровенному, и этот омут утягивал меня все глубже и глубже.

Бежали дни, недели, месяцы. Образ той, что помогла разбудить вулкан утраченных чувств, постепенно стирался из моей памяти. Меня это пугало. Меньше всего на свете мне хотелось забыть лицо Хлои. Забыть ее улыбку, запах ее волос, прикосновение ее рук. Но, увы, мы не властны над вре-

менем. Оно побеждает все. С какой легкостью и внезапностью эта девушка вошла в мою жизнь, точно так же она стала теряться в бесконечной череде серых будней.

После работы, по дороге домой, я все чаще стал развлекать себя историями собственного сочинения. Это был вымысел, но с долей реальности. Вернее сказать, это была реальность, завернутая в оболочку придуманных образов. Я стал копаться в своей памяти и вытаскивать наружу некоторые события моей биографии, сдабривая их долей сюрреализма, позаимствованного мной из картин Немого режиссера.

На киносеансы ходил редко. В курилке или во время обеда принимал посредственное участие в обсуждении тех или иных новинок андеграундного жанра. Однако мысль о том, что с момента выхода последней картины моего любимого режиссера прошло уж слишком много времени, меня удручала. А что, если он прекратил свою деятельность? А что, если ему больше нечего сказать? Такой непонятый обществом творец, у которого нет имени. А может быть, он, подобно дикому зверю, затаился в высокой траве, в ожидании сюжета, что потрясет этот мир? Да, в последнее хотелось верить больше всего.

В четверг я отправился в кинотеатр «Роден». Один. Мне внезапно захотелось внести небольшое разнообразие в затянувшуюся меланхолию дней. Билет не был куплен заранее. Не знаю, на что я рассчитывал, наверное, просто на удачу,

однако она меня подвела.

У входа в кинотеатр была очередь. Шел мелкий дождь, и поэтому люди торопливо протискивались внутрь помещения, поспешно занимая свободные места. Тем не менее билетер был бдителен и мне пройти не удалось. Я остался стоять один, прячась под своим черным зонтом, с которого тонкими струйками стекала вода. Поправив очки и звучно высморкавшись в белый платок, который я всегда носил в кармане своего плаща, я закурил сигарету, попутно размышляя о том, как буду добираться домой в такую непогоду.

Она подошла со спины и произнесла:

– Огоньку не найдется?

Я сразу понял, это была Хлоя. Запах ее духов, смешиваясь с запахом дождя, становился еще прекраснее.

Обернулся. Она стояла рядом, в своем элегантном костюме, прячась под зонтом. Точно такая же, какой я ее запомнил. С тем же пучком волос, с той же непослушной челкой, в тех же туфлях на высоком каблуке. Я протянул ей спички, девушка воспользовалась ими и поблагодарила меня.

– Неудачный день? – спросила она снова.

– Теперь уже и не знаю, – робко промямлил я.

– Вы не попали на сеанс?

– К несчастью, да, – ответил я, а сам подумал: «Почему, собственно, к несчастью?».

– Бывает. Я тоже, как видите, не попала.

– Честно говоря, я оказался здесь случайно. Решил испы-

тать удачу и купить билет на входе, но увы.

– Не поверите, я решила сделать точно так же.

Мы засмеялись. Ее улыбка блеснула, подобно разрезающему тьму лучу солнца. Задержалась на несколько секунд и медленно угасла. Я стоял перед ней, в нелепом поношенном плаще, старой шляпе и запотевших очках, пытаюсь укрыться от непогоды под выдавшим виды зонтом. Она стояла передо мной уверенная, стройная, изумительно прекрасная и в то же время робкая. Замерзла. Еще минута – и я произнес:

– Хотите выпить кофе?

Она опять улыбнулась и кивнула.

Мы отправились в ближайшее кафе. Там было мало посетителей. Расположились за столом, в самом дальнем углу зала, и пили кофе молча, согревая руки о чашку.

– Вы меня не помните? – Я решил нарушить молчание первым. – Мы встречались с вами в баре, неподалеку отсюда. Примерно с пару месяцев назад.

– Ой, простите, я была уверена, что ваше лицо мне знакомо, но вот никак не могла вспомнить, откуда. – Она стеснительно потупила взгляд. – Сейчас что-то такое припоминаю. Кажется, мы с вами танцевали, и вы куда-то поспешно удалились.

– Верно. Простите за этот глупый поступок. Я тогда слегка перебрал, мне нужен был свежий воздух.

– Я вас прекрасно понимаю. Такое иногда случается со всеми.

Хлоя сделала глоток из своей чашки, после чего достала две сигареты: одну для себя, другую протянула мне.

– Как вас зовут?

– Клаус, – ответил я и закурил.

– Очень приятно, Клаус. Меня зовут Хлоя.

– Да, я помню ваше имя.

– Чем занимаетесь? Где работаете?

– В одной бухгалтерской конторе, – ответил я. – По правде сказать, ничего интересного.

– Семья, дети?

Я замялся. Зачем она задала этот вопрос? Я был не готов вот так сразу раскрывать все карты. Но с другой стороны, почему нужно врать? Нас ничто не связывало, да и вряд ли что-либо свяжет.

– Жена, дочь, – выплюнул я и тут же попытался запить эти слова кофе.

– Славно. Очень рада это слышать.

– Ну, а что насчет вас?

– У меня все проще. Я не замужем, детей тоже нет.

– Вы так молоды, еще все наверстаете.

– Это очень мило. Надеюсь, что все будет именно так. –

Хлоя улыбнулась, положив ногу на ногу.

Я посмотрел на наручные часы. Почти десять вечера. Нужен был какой-либо предлог для продолжения разговора.

– Уже поздно. Может быть, вас проводить домой? – внешне для самого себя произнес я.

– Спасибо, не откажусь.

Мне было странно слышать все эти слова, вылетевшие из моих уст, и еще страннее было слышать ее ответы. Мы поднялись со стульев, расплатились по счету и переступили порог заведения, сделав шаг в дождливую ночь.

Ливень разошелся не на шутку. По дорогам текли самые настоящие ручьи, унося за собой, в сливную трубу, мелкий мусор.

Хлоя прижалась ко мне ближе. Чувствовалась слабая дрожь.

– Может быть, поймаем такси? – поинтересовалась она.

– А вы так далеко живете?

– В центре, – она убрала челку со лба. – Просто мне кажется, в такую погоду лучше будет поехать на такси.

Возражать я не стал. Здесь неподалеку был ресторан, возле которого дежурили таксисты. Мы поспешно отправились к нему.

В этот раз нам улыбнулась удача. Пара свободных машин все еще тосковала на парковке. Подойдя к одной из них, я постучал в водительское стекло. Оно медленно опустилось.

– Нам бы добраться до центра, – произнес я.

– Поехали, – ответил водитель и вновь поднял стекло.

Мы мигом забрались на заднее сиденье автомобиля. В салоне приятно пахло. Кажется, ваниль.

– Куда именно – в центр? – тут же спросил водитель.

Хлоя назвала адрес. Машина тронулась с места.

– Честно говоря, вам чертовски повезло, что вы на меня наткнулись, – живо сказал водитель, выруливая на главную дорогу. – В такую погоду, как ни странно, клиентов не много. Еще пять минут, и я собирался ехать домой. – Пауза, потом добавил: – Жена готовит отбивные. Пальчики оближешь.

Я отвернул лицо в сторону. Интересно, чем сейчас занимается моя Сара? Наверное, укладывает дочку спать и задается вопросом, куда подевался ее благоверный.

Хлоя тоже смотрела в окно. О чем она сейчас думала и был ли в ее мыслях я?

Дороги были пусты. Город как будто вымер. Не часто можно было наблюдать такое явление. Светофоры по большей части давали нам зеленый свет, поэтому до нужного адреса мы добрались быстро.

Машина остановилась возле высокого многоквартирного дома. Судя по всему, апартаменты здесь обходятся жильцам недешево. С нашим типичным домом, коих полно в спальных районах, этот не имел ничего общего.

Расплатились с таксистом. Машина уехала, высадив нас у главного входа.

– Зайдете? – сразу же задала вопрос Хлоя.

Я в нерешительности посмотрел на часы. Время приближалось к одиннадцати.

– Вы ищете предлог, чтобы уйти? – как-то испуганно добавила она.

– Скорее всего, ищу предлог, чтобы остаться.

Она улыбнулась.

Мне было стыдно перед ней за свою нерешительность. Я был старше нее, серьезнее во всех смыслах, но почему-то в ту минуту я чувствовал себя ребенком, боящимся смотреть в глаза. Сомнения одолевали меня с невероятной силой. Трудно было представить, что случится дальше, в следующую минуту, и, собственно, как далеко я готов зайти. Мне не хватало смелости признаться самому себе в искренности своих намерений. Не хватало духу побороть свой внутренний голос. Одно я знал наверняка: если я соглашусь с ее предложением, моя жизнь изменится навсегда.

Зажмурившись, я сделал шаг в пропасть.

4.

Открыл глаза. Небольшая комната, полумрак, запах духов, сладостный, пьянящий аромат заполняет собой все пространство вокруг. Кружит голову. Я лежу рядом с Хлоей, на боку, голова водружена на ее колени, и она медленно гладит мои волосы. На ней практически нет никакой одежды, только моя рубашка, застегнутая на две пуговицы. Волосы распущены, падают на плечи. Другой рукой она время от времени подносит к губам сигарету.

Я просто лежу и наслаждаюсь этим моментом.

Кажется, что все вокруг приобрело наконец-таки смысл. Мне так спокойно, совершенно никуда не хочется уходить. Я всматриваюсь в темноту, стараюсь разглядеть очертания мебели. Шкаф, стол, стулья. Все это практически невидимо, но я могу представить, как выглядят все эти предметы.

Квартира Хлои была обставлена со вкусом. Самый настоящий образец стиля и уюта. Разные винтажные вещи, собранные по крупицам на барахолках и в каталогах. Ковры, сотканые черт знает кем и черт знает когда. Такие мягкие, такие странные. Наступая на них, нога словно погружалась в нежнейший шелк. Здесь не переставая играло радио. Тихо, еле слышно.

Девушка продолжала гладить меня по волосам, пока я беспомощно расплывался, прильнув головой к ее коленям. У

нее нежные руки, она не старается отстраниться, она с радостью трогает меня. Так хорошо, так уютно. Словно руки матери, такие заботливые, такие родные и совершенно безопасные. Она рассказывает какие-то истории, какие-то непонятные сказки, которые уносят мое сознание куда-то далеко, в параллельную вселенную.

В этих историях не было никакого смысла. Какие-то люди, какие-то события, какие-то дремучие времена, о которых и думать страшно. Я слушаю, уставившись усталым взглядом в одну точку. Узоры на обоях медленно расплываются. Подобно змеям, они копошатся, издавая слабое шипение. Они двигаются в такт какой-то неслышимой музыке. Завораживающее зрелище.

Пришло осознание того, что здесь я смогу говорить о чем угодно. Обо всех своих страхах и переживаниях. Она обязательно меня выслушает. В этой маленькой, темной квартирке мне постепенно становится знаком каждый сантиметр, каждый уголок. Здесь все принадлежит мне, даже Хлоя.

Девушка попросила меня рассказать о себе. Обычно я не мастер травить байки, но в тот момент слова сами собой вырвались изо рта. Кроме того, я так тщательно тренировался во время прогулок домой, это придало мне уверенности в успехе затеи.

Начать пришлось с детства. Оно кажется таким далеким, таким нереальным, будто бы чужим, словно все это я наблюдал со стороны или же запоминал с чьих-то слов.

Мы жили в пятиэтажном панельном доме. Окна моей комнаты выходили во двор. Двор был завален песком. При чем, знаете, таким пляжным, даже иногда ракушки попадались. Никогда не мог понять, каким образом он там появился. Иными словами, все, чего касался мой взгляд, состояло из песка. Выглядываешь из-за занавески, а за окнами пустыня, а за пустыней еще один пятиэтажный дом.

Там часто дули холодные ветра. Они поднимали песчинки и разносили их по всему двору. Приходя домой, всегда приходилось вытряхивать песок из ботинок и подолгу тереть глаза, покрасневшие от песчаного натиска.

Во время прогулок я часто заглядывал в окна других домов, но сталкивался лишь со своим угрюмым отражением. За грязными стеклами никого не было. Ни души. Все куда-то пропали. Я думаю, что на самом деле люди жили в этих квартирах, но в моих воспоминаниях их не было.

Сейчас мне кажется, что место, где я рос, походило на вымышленный городок, в котором вместо уютных и ласковых домашних огней в окнах зияла бесконечная, тягучая пустота. Порывы ветра жадно облизывали холодные бетонные стены, по небу гуляли исключительно серые тучи, заволакивая собой все пространство над головой.

В моих воспоминаниях это место всегда разное, там всегда все не так, как было раньше. Лишь только наша квартира остается неизменной. Я плохо помню ее внешний облик, расстановку мебели, но в памяти я регулярно возвращаюсь

туда, поднимаюсь на третий этаж, открываю дверь ключом, зажигаю свет – и на этом все заканчивается. Иногда мне кажется, что я так и не выбрался оттуда, ведь понять, ради чего мне приходится возвращаться туда, мне так и не удалось.

Я помню лица людей, их было много. Помню их фигуры, их руки, их очертания. Они выплывают из тумана воспоминаний, они стараются быть ближе ко мне. Им всем просто необходимо существовать рядом со мной. Весь этот сюрреализм до ужаса приятен. Правда, очень трудно вспомнить запах или же взгляд человека, с которым вас разделяют десятилетия. Он остался где-то там, очень далеко, за пределами твоего нынешнего времени. Собственно, в этом и состоит главный вопрос: можно ли считать таких людей безвозвратно ушедшими?

Вернуться к ним, туда, в эту трясину песка и тумана, невозможно. Однако осознание того, что эти люди все еще там, застряли в плену определенного момента; с улыбками или же слезами на лице; лежащие или же резвящиеся в беспорядочной чехарде; все они мертвы в настоящем времени. И таких мертвецов наберется целый город.

Умершие люди уходят в прошлое. Там они и остаются. Когда ты закрываешь глаза, выпуская свой последний вздох, твое время останавливается. Ты сливаешься с ним, растворяешься в его потоках.

Да, пожалуй, именно в прошлом и живут все те, кого мы потеряли.

Я вспоминаю свое детство исключительно в серых тонах. Не скажу, что там не было радости, просто она за все эти годы куда-то улетучилась. Ржавые турники, торчащие из песчаных барханов, корабельные мачты, разбросанные тут и там. Корабли, севшие на мель неподалеку от моего дома. Все это составляет картину моего прошлого, которое я прожил и теперь могу додумывать и переиначивать, как только мне вздумается.

Скорее всего, у меня были друзья. Были родные и близкие люди. Семейные праздники, часто заканчивающиеся скандалами и ссорами, школьные потасовки, ругань и моменты радости, такой безграничной и в то же время такой короткой, что теперь не наберется и на пару абзацев.

Кажется, что все было именно так, но правды уже никто не узнает.

Забавно, но я никогда не думал, что погружение в пучину воспоминаний может быть таким опасным занятием. Никогда не ставил перед собой задач выудить оттуда что-то пугающее, гнилое и противное, с чем когда-то давно спешил расстаться. Все это происходит само собой. Все плохие вещи прилипают к тебе самостоятельно, достаточно лишь приблизиться к ним на пару шагов. Потом все труднее смыть с себя всю эту гадость. Она просачивается тебе под кожу и сливается с твоей сущностью.

Открыв очередную дверь в коридорах моей памяти, я натолкнулся на женщину. Черные волосы, красные губы, ро-

динка над губой. Она просто сидит перед зеркалом, прихорашивается. На ней очень красивое нижнее белье. Черные чулки, высокие каблуки. Женщина смотрит на меня через зеркало и улыбается. В ее глазах блестит огонь.

Я присаживаюсь на кровать. Велюровые простыни цвета алой зари. Постель еще теплая, скорее всего, хозяйка только недавно проснулась. Провожу рукой по подушкам, по одеялу. Почему-то эти ощущения запомнились особенно. В них таилась какая-то чарующая загадка, неясное предвкушение будущих событий.

Женщина продолжает рассматривать меня через зеркало, не оборачиваясь. Расчесывает волосы, опрыскивает себя духами. Ароматы цветов заполнили собой всю комнату.

Однако стоит отметить, что помещение, в котором мы находимся, не самое приятное. Оно чем-то напоминает подвал. Оборванные обои на стенах, паркет на полу совсем расклеился, и многих кусочков не хватает. Здесь сыро и зябко. С потолка капает вода. Это место кажется покинутым, брошенным, каким-то бесполезным и обветшалым. В нем, подобно узнику, все еще живет эта привлекательная особа, но хорошие люди заходят сюда все реже.

Не помню, сколько мне было лет. Кажется, я был подростком, учеником старших классов, для которого вопрос половых отношений являлся наиважнейшим и наижеланнейшим. Все вокруг только и говорили о радостях сексуальных утех. Скорее всего, я пришел в это жилище не просто так. Какая

удача, что свои воспоминания я могу подстраивать под желаемое.

Теперь я вижу, как женщина медленно поднимается со стула, поворачивается ко мне лицом. Она очень красивая, с отличной фигурой, пышным бюстом и упругими ягодицами. Она неторопливо идет ко мне. Каблуки стучат по полу. Я стараюсь отвести взгляд в сторону, чтобы не сойти с ума от волнения. Женщина приближается. Наклоняется, целует в щеку, в шею и наконец в губы. Вся вселенная рушится, мир переворачивается. Мне слишком хорошо и тепло от ее прикосновений. Повалившись на кровать, отдаюсь полностью ее власти.

Возможно, все было так, но, возможно, все было совсем иначе.

Возможно, я овладел ею прямо на той постели и наслаждался моментом как мог долго. Возможно, мне стало страшно, неудобно и я убежал, скрылся в пучине своих страхов и комплексов. Возможно, меня вообще там никогда не было, как не было и этой квартиры, и этой соблазнительной особы, и миллиона других вещей, которые теперь кажутся такими реальными.

Но так ли ценно наше прошлое, если его так просто перекроить в своем сознании? Безусловно, мы в состоянии управлять собственными воспоминаниями, лепить из них совершенно другие образы и формы, а потом уверовать в их подлинность и заставить остальных верить нам. Страшно

однажды проснуться и осознать, что мир, в котором ты живешь, тебе совершенно непонятен. Что ты сам заставил себя поверить в невероятное и навсегда заблудился в своих снах.

Часы на прикроватной тумбочке запищали. Восемь утра. Я открыл глаза и осмотрелся.

К своему удивлению, я находился у себя дома, в своей собственной постели. Жена на кухне готовила завтрак. Играло радио, передавали сводку утренних новостей. Я поднялся с кровати и отправился в ванную комнату. Умыл лицо холодной водой и пристально посмотрел на свое отражение в зеркале. Небритая физиономия, бледный, замученный вид. Мне было трудно понять, как я здесь очутился, ведь я точно помнил, что эта ночь началась совершенно в другом месте.

Я пришел к столу. Сара налила кофе и подала яичницу с тостами.

– С тобой все хорошо? – поинтересовалась она моим самочувствием. – Ты неважно выглядишь.

– Все в порядке, просто плохо спал.

– Я и не слышала, как ты вчера пришел. Задержался на работе допоздна?

– Наверное, – я уставился взглядом в тарелку с едой. – Последнее время много работы. Я же говорил.

– Все понятно. – Она уселась напротив и отхлебнула кофе. – Хорошо, что сегодня выходной. Можно отдохнуть.

Я попытался улыбнуться ей в ответ, но получилось как-то неестественно. Странно, но все произошедшее со мной на-

кануне вечером казалось дурным сном. Правда, мне до ужаса хотелось вернуться в него обратно.

5.

Выходные я провел дома, в кругу семьи. Вернее сказать, моя оболочка была среди них, а душа витала где-то далеко. Мне никак не удавалось отделаться от мыслей о Хлое, о том, что между нами было, и о том, к чему это может привести. Во время уборки квартиры я отстраненно выполнял свои скромные обязанности. За обедом практически не разговаривал. По вечерам, перед сном, проводил время с дочкой – и опять голова была забита совершенно другим. Я сходил с ума от неизвестности. Мне казалось, что та злополучная ночь, проведенная в квартире моей новой знакомой была не более чем вымыслом. В конце концов не было никаких доказательств обратному.

Ночью мне стали сниться кошмары. Просыпался в холодном поту и некоторое время не мог сориентироваться. Жена предложила вызвать врача, однако я настоял на обратном.

Одним словом, к утру понедельника я пребывал в совершенно раздавленном состоянии.

- Тебе нужно взять отгул, – настойчиво произнесла Сара.
- Глупости. Я в полном порядке, – ответил я.
- Выглядишь ужасно. Мешки под глазами, бледный как статуя. Совершенно не понимаю, что с тобой происходит.
- Я говорил тысячу раз: сложный период на работе. Вот и все. – Мне не хотелось продолжать этот разговор. В конце

концов моя раздражительность могла сыграть против меня.

– Он тянется уже не один месяц. – Сара стояла позади меня и наблюдала, как я завязываю галстук. – Клаус, пожалуйста, поговори со мной.

– О чем? – усмехнулся я.

– Ты что-то скрываешь. Может, ты болен?

Я постарался улыбнуться. Постарался придать нашей беседе непринужденный вид. Скорее всего, мне не удалось справиться с задачей.

– Все эти поздние возвращения домой, все эти ночные кошмары. Мне кажется, дела обстоят намного серьезнее, чем ты пытаешься показать. – Она никак не могла остановиться.

Я наконец-то справился с галстуком, после чего повернулся к ней лицом, подошел, обнял и поцеловал в щеку.

– Все будет хорошо, – пообещал я и отправился в офис.

Каторга, да и только.

День тянулся, как жевательная резинка. Никак не получалось сосредоточиться на работе. Кругом были только цифры, звуки печатающих машинок, болтовня по телефону. Все это огромным оползнем скатывалось с вершины горы под названием «злость» и уже вот-вот готово было накрыть меня с головой.

Ни с кем не общался, никому не позволял заговорить с собой. Просто просиживал время до завершения рабочего дня. Однако, не в силах выдержать так долго, отпросился на пару часов раньше, сославшись на дурное самочувствие.

На улице поймал такси. Указал адрес, где проживала Хлоя, потом нервничал всю дорогу до ее дома. Мне мерещились другие мужчины, мне чудилось, что она не откроет дверь. В конце концов я стал бояться того, что эта девушка просто не узнает меня.

Машина двигалась медленно. В городе были пробки. Конечно, куда же без них. Создавалось впечатление, что во всей вселенной только я один тороплюсь по важному делу, а все остальные люди просто мешают мне двигаться.

Закурил сигарету, чтобы снять напряжение. Водитель, подлец, попросил выбросить ее в окно. Борец за здоровый образ жизни. Черт бы их всех побрал. Они вечно ставят палки в колеса простым гражданам. Не ешьте то, не пейте это. Как будто бы они собрались жить вечно.

Наконец впереди появилось нужное здание. Высокое, с красивым фасадом. Такси остановилось, я расплатился и выскочил наружу.

Все тот же парадный вход. Швейцар на входе улыбчиво открыл передо мной дверь. Внушительных размеров холл. Высокие потолки, много растений в горшках и даже кресла для ожидания. Неторопливыми шагами проследовал к лифту. Меня окрикнул консьерж:

– Сэр, могу я поинтересоваться, в какую квартиру вы направляетесь?

Я замер. Этот вопрос сбил меня с толку. Я помнил только длинный красный коридор и дверь в конце него. Помнил,

как мы поднялись туда на лифте, потом торопливо шли по прямой, не сворачивая. Но я не мог вспомнить ни номера этажа, ни номера нужных мне апартаментов. Перед глазами стоял туман, в котором я безрезультатно пытался нащупать нужную дверную ручку.

– Сэр, я могу вам чем-то помочь? – вновь раздался голос седовласого мужчины.

Я обернулся. Нерешительно подошел к его столу и промямлил:

– Я приехал к Хлое.

– К Хлое? – он несколько удивленно посмотрел на меня. – К какой Хлое?

Я понял, что не знаю фамилии этой девушки.

– Вы меня не помните? Я был здесь в пятницу вечером, – попытался оправдаться я.

– Сэр, в этом доме проживает огромное количество людей. Постоянных жильцов я отлично знаю, а вот их гостей – увы.

Он был прав. С чего бы ему запоминать такого жалкого человека.

Я вздохнул и покинул здание.

У входа, на улице, остановился и закурил сигарету. На смену злобе и раздражительности пришли отчаяние и растерянность. Я ощущал себя ребенком, которого забыли в торговом центре. Все вокруг казалось чужим. Все эти люди совершенно не знали меня, и им не было никакого дела до мо-

их проблем и переживаний.

Хлоя появилась из ниоткуда. Просто возникла передо мной, словно айсберг из морских глубин.

– Заблудился? – улыбнулась она, подойдя чуть ближе.

Я улыбнулся ей в ответ.

– Ты даже не представляешь, насколько.

Мы прошли внутрь здания. Девушка помахала рукой консьержу и, взяв меня за руку, потащила к лифту.

Поднимались вверх. Целовались.

На нужном этаже лифт замер.

Потом шли по коридору. На этот раз я постарался запомнить все, что видел вокруг. Несколько квартир. Небольшие столики и цветы, стоящие на них. Красные стены, красный пол под ногами. Мягкий ковер. Он тоже был красным. Слишком вызывающий цвет, слишком вульгарный, отдающий опасностью.

Наконец пришли. Хлоя вставляет ключ в замочную скважину, проворачивает его несколько раз и распахивает передо мной дверь. Тьма разевает свою страшную пасть, и я делаю шаг вперед.

Проходит какое-то время. Мы вновь лежим на кровати. Обнаженные. Полумрак. Игрет слабая музыка. Девушка курит сигарету, время от времени стряхивая пепел на пол.

– Мне кажется, я схожу с ума, – говорю я.

– Все мы сходим с ума по-своему, – отвечает Хлоя.

– Я испугался, что больше не увижу тебя.

– Это так мило. – Она улыбается и прижимает мою голову к груди. – Но тебе не нужно бояться. Я всегда буду рядом.

– Спасибо.

– Ну а теперь расскажи, что тебя беспокоит?

– Мне стали сниться плохие сны. Сны, в которых смешивается мое прошлое и настоящее. В них я будто бы другой человек, но в то же время осознаю, что я – это я. Они пугают меня, Хлоя. Они все сильнее терзают мою душу. Только здесь, рядом с тобой, мне становится легче.

Недавно снилось, что я ходил на городской пляж. Осенью там не очень-толюдно. Песок твердеет, холодный ветер пронизывает тело до костей, а ледяные волны бескрайнего океана облизывают берег с какой-то грустной нерасторопностью. Я блуждал вдоль воды, засунув руки в карманы своего длинного пальто. Сигареты кончились, поэтому мысли о курении никак не могли выйти у меня из головы. Кругом резвились чайки. Они кучковались неподалеку, время от времени взмывая в небо и улетаая куда-то вдаль. Их противный гогот раздражал меня примерно так же, как мысли о сигаретах. Я понимал, что это всего лишь глупые птицы и на них не следует обращать внимания, но ничего не мог с собой поделать.

Небо было чистое, голубое. Я прогуливался, не встречая ни одного человека. Иногда приятно побыть в одиночестве, обмозговать какие-то личные проблемы, расставить все по полочкам. Городской шум угнетает, мешает сконцентрироваться, а умение держать себя в руках иной раз очень полез-

но.

Потом я увидел двухэтажный дом. Обычный прибрежный коттедж, люди любят строить такие поближе к океану, чтобы проводить там время с близкими. Отмечать праздники, приезжать туда на выходные. Дом не был окружен забором, а лестница, ведущая на веранду, начиналась прямо от самого пляжа.

Я медленно поднялся по деревянным ступенькам наверх, затем сквозь грязное окно пытался разглядеть внутреннюю обстановку дома. Подергал дверную ручку. Заперто. Воспользовался своим складным ножом, который всегда ношу с собой. Замок поддался, и я вошел внутрь помещения.

Там пахло ванилью. Возможно, духи, а может, ароматические свечи. Я не спеша прогуливался по гостиной, трогал вещи, рассматривал фотографии, висевшие на стенах. На них была изображена супружеская пара. Судя по этим снимкам, они любили путешествовать, бывали в разных странах, пробовали вкусные блюда и постоянно улыбались. На одном из столиков я обнаружил поляроидный фотоаппарат, мгновенно печатающий снимки, сразу после того, как они были сделаны. Прихватил его с собой. Заглянув на кухню, заметил, что еды в холодильнике практически не было. В шкафах мало посуды, в основном бокалы для вина и шампанского.

Поднявшись на второй этаж, увидел, что дверь в спальню открыта. Хозяева дома, крепко спят на большой мягкой кровати, в объятиях друг друга. Им не больше тридцати лет.

У женщины приятные черты лица, длинные рыжие волосы и аккуратный нос. Мужчина брюнет, худощавый, опрятный, явно следивший за своим внешним видом.

Я уселся в кресло напротив их кровати. Они продолжали спать, совершенно не подозревая о моем присутствии.

Первой очнулась девушка. Она растерянно уставилась на меня, пытаясь понять, реален ли я или же это все еще сон. Я поднес палец к своим губам, показывая ей, что не нужно говорить. Затем подошел к ней как можно ближе, уселся на корточки рядом и пристально посмотрел в ее глаза. Там отражался страх. Это уже не были глаза той жизнерадостной героини бесчисленных фотографий с первого этажа. Теперь это были глаза испуганного ребенка, чей разум мечется в агонии.

Достав нож, я резким движением руки перерезал ей горло. Кровь хлынула фонтаном, и белоснежная постель окрасилась в бордовый цвет. Девушка схватилась за порез руками и принялась хрипеть. Они всегда цепляются за жизнь в последний момент, когда уже невозможно что-либо исправить.

Проснулся муж и ошарашенно уставился на истекающую кровью супругу. Я обошел кровать с другой стороны и мгновенно нанес несколько ударов ножом в его грудь. Он попытался издать какой-то звук, но все было тщетно. Вместо этого изо рта вырвались брызги крови.

Потом вся эта безумная возня закончилась.

Я отошел в сторону, вновь уселся в кресло и принялся со-

зерцать плоды своей работы. Два мертвых тела безмятежно покоились на одной кровати. Кровь все еще струилась из их ран.

Я сделал снимок всей этой картины на прихваченный с первого этажа фотоаппарат. Когда фотокарточка вылезла наружу, несколько секунд тряс ее, чтобы на ней проявилось изображение. Затем спустился на первый этаж и прикрепил новую фотографию к их старой коллекции на стене. Здесь была изображена их жизнь. Теперь это все обрело завершение.

Еще снился магазин, обыкновенный супермаркет. Там куча стеллажей с продуктами, вместительные тележки и сотрудники, которых вечно нет на рабочем месте. Я прогуливался по рядам, рассматривал ассортимент. Вместо товарного изобилия на полках находились сотни отрезанных людских голов. Лица некоторых пугали застывшей на них гримасой. Другие же, напротив, выражали полнейшую безмятежность. Здесь были головы детей, взрослых и даже стариков. С некоторых капала кровь, образуя на полу лужи.

Совершенно непонятные, невообразимые грезы. Я и подозревать не мог, что в моей голове содержится такая куча сюрреалистического мусора.

Хлоя докурила сигарету и произнесла:

– Многие боятся смерти. Однако мне всегда казалось, что смерть – это вполне себе обычный исход твоего существования. В конце концов, вся наша Вселенная неустанно стре-

мится к распаду. Каждый день разрушаются планеты и исчезают галактики. Даже наша Земля появилась в результате взрыва. Само собой, неоспоримый факт состоит в том, что без смерти не будет продолжения жизни.

Я выдохнул. Приятно было заметить, что мой рассказ ее не шокировал.

Девушка поднялась с кровати и надела халат.

– У тебя такие яркие сны. Тебе можно только позавидовать.

– Они меня пугают, – прохрипел я.

– Глупый. Это всего лишь сны. Расслабься.

Она сходила на кухню и вернулась со стаканом воды в руках.

– Кстати, хотела тебя спросить. Кто была та женщина?

– Какая женщина? – произнес я.

– Ну та, красивая. О которой ты рассказывал в прошлый раз. Черные волосы, красная помада и родинка над губой. – Хлоя сделала маленький глоток из стакана. – Она была реальностью или это тоже всего лишь сон?

Я задумался на минуту, пытаюсь сложить воедино воспоминания о прошлой жизни. Потом ответил:

– Кажется, это была моя мать.

6.

По правде говоря, о своих родителях я знаю не так уж и много. Отец воспитывал меня в одиночку. Он был строгим, но справедливым человеком. Однако стоит упомянуть, что все разговоры о матери всегда сводились к скандалам. Было заметно, что данная тема ему совершенно неприятна. Иногда я пытался заговорить с ним об этом, но получал лишь суровый отказ.

Спустя какое-то время мне все же удалось разузнать некоторые подробности жизни моих родителей. Отец перебрал с алкоголем и разоткровенничался.

Познакомились они случайно, в одном из городских баров. Она скучала за столиком, а он был не против скоротать вечерок в компании симпатичной незнакомки. Слово за слово, и разговор перетек в интимную близость. Вскоре он узнал, что она проститутка. Нет, конечно же, она говорила ему, что собирается завязать с этим делом и что рождение ребенка – это именно та отправная точка на пути к переменам, но ему в это слабо верилось.

Тем не менее отец предложил переехать жить к нему. На такое решение во многом повлиял факт беременности. Она клялась, что ребенок от него. Он ей верил. Все время до родов они прожили вместе как нормальные взрослые люди.

Спустя какое-то время, после родов, отец стал замечать

разительные изменения в поведении его возлюбленной. Она все реже интересовалась самочувствием ребенка, подолгу пропадала из дома и скандалила на ровном месте. Он понимал, что она вернулась к прежней жизни и что так дальше продолжаться не может. Предложив условия: он ей снимает квартиру, она оставляет ему сына – они разошлись. С тех пор прошло много лет, и дальнейшая судьба этой женщины его мало интересовала.

Мне удалось узнать адрес квартиры, где проживала моя мать. Однажды я пришел к ее дому, уселся на лавочку, что располагалась напротив подъезда, и стал ждать ее появления. Отец дал мне фотографию, на которой они были запечатлены вдвоем. Конечно же, я понимал, что годы изменили лицо этой женщины, но надежда на успех не покидала мое сердце.

Мне до ужаса хотелось взглянуть на нее, увидеть ее глаза, почувствовать прикосновение ее рук.

На протяжении недели я неустанно приходил к этому дому и садился на одну и ту же лавочку. Брал с собой бутерброды и термос с горячим чаем. Иногда читал книги, а иногда просто рассматривал окружающую меня обстановку.

В конце концов она появилась. На удивление, выглядела эта женщина куда симпатичнее той, что предстала передо мной на фотоснимке, подаренном отцом. Черные волосы развевались на ветру, на лице играла легкая улыбка. Она шла, цокая каблуками, завернувшись в короткое пальто. Я

замер, боясь пошевелиться. Боясь моргнуть. Боясь потерять ее из виду. Женщина шла по противоположной стороне улицы, совершенно не замечая моего присутствия. Потом она нырнула в свой подъезд. Спустя несколько секунд в окне на третьем этаже загорелся свет.

Я ждал. Сердце бешено стучало в груди. Во мне бушевал дух противоречий. Дух сомнений, который требовал от меня немедленных действий. Он желал, чтобы я отправился прямиком к этой женщине и представился ей. Но в то же время ему очень хотелось заставить меня капитулировать, позорно убежать к себе домой и навсегда похоронить воспоминания об этом дне.

Выждав еще какое-то время, я уверенной поступью направился в квартиру моей матери.

Она распахнула дверь и предстала передо мной в одном шелковом халате. Улыбнулась.

– Привет. Тебе помочь? – только и спросила она.

Голос уверенный, но в то же время такой ласковый и баюкающий.

– Я бы хотел с вами поговорить, – ответит я.

– Милый, мое время стоит денег, – все так же ласково произнесла она. – У тебя есть деньги?

Я кивнул.

– Тогда проходи.

Она посторонилась, пропуская меня в свое жилище, после чего захлопнула за мной дверь.

Конечно же, я понимал, что эта женщина и не подозревает о том, кто я. Конечно же, мне совершенно не хотелось ввязываться во всю эту белиберду с позиции клиента, желающего плотских утех. Однако в тот момент мне было так волнительно и в то же время так интересно, что я невольно решил подыграть своей оппонентке.

Дальше все было примерно так, как я описывал выше. Кровать, шелковые простыни, ее глаза, наблюдающие за мной через зеркало. Интимная близость. Мой стыд. Моя робость. Моя боязнь раскрыться перед ней. Черт возьми, я так глубоко спрятал эти воспоминания в себе, что теперь, вытаскивая всю эту мерзость наружу, мне становится по-настоящему противно за себя и за все то, что происходило в моей жизни потом. Мне хочется ненавидеть весь мир, все человечество и, конечно же, свою мать, своего отца. Хочется разорвать их на куски за весь тот стыд, за все те моральные унижения, которым я подвергся.

Как я и говорил, хорошие люди заходили в эту квартиру слишком редко. Я не стал исключением. Я позволил ей сделать это с собой. Потом рассказал истинную цель своего визита. Женщина долго смотрела на мое лицо. В ее глазах дрожали слезы. Она трогала мои щеки руками, и ее красные губы произнесли почти бесшумное «прости». Потом я просто ушел, оставив эту женщину в прошлом. Заперев ее в той крохотной ветхой квартирке, вместе с собой прежним, невинным юношей, мечтающим найти свою мать.

Спустя некоторое время я замечал ее стоящей у забора, окружающего нашу школу. Замечал в парке, через который я возвращался домой. Она боялась показаться мне на глаза, но в то же самое время хотела подойти так близко, насколько это вообще было возможно. Потом эти визиты прекратились. Позже я узнал, что она погибла под колесами автомобиля. Трудно сказать, было это самоубийством или же просто нелепая случайность. Однако в этой истории навсегда можно было поставить точку.

Хлоя рассказала мне о своем отце. Она, как и я, воспитывалась в строгости и часто подвергалась насилию со стороны родителя. Он был чересчур набожным человеком, однако злоупотребляющим алкоголем. Напивался до скотского состояния и читал ей проповеди, заставляя становиться на колени перед распятием и вторить каждому его слову. Если дочь перечила или же имела неосторожность запнуться в повторении молитв, отец тут же реагировал на это сильной затрешиной по голове.

– Однажды этот ублюдок меня изнасиловал, – как-то монотонно, с долей равнодушия сообщила мне Хлоя.

Я не знал, что ответить на ее слова. Просто сидел рядом и молчал. Потом она усмехнулась и добавила:

– Он умер, когда мне исполнилось пятнадцать лет. Такой вот подарок ко дню рождения.

Она закурила сигарету.

– Мне очень жаль, что так вышло, – тихо произнес я и

посмотрел на девушку.

– Жаль, что он меня изнасиловал, или жаль, что он умер?

– Все вместе. Это настоящая трагедия.

Хлоя посмотрела на меня и улыбнулась.

– Все осталось в прошлом, – сказала она, сделав очередную затяжку сигаретой.

Девушка храбрилась, и, по правде сказать, у нее это хорошо получалось. Однако детские травмы способны привести человека на край пропасти разными путями. Мы несем в себе через всю жизнь шрамы и постыдные ситуации, совершенно не догадываясь о том, что когда-нибудь эти воспоминания сыграют с нами злую шутку.

Мне снился сон. Я пребывал в полнейшей темноте. Она была такой плотной, такой абсолютной, такой осязаемой. Казалось, что если я открою рот, то вся эта вязкая субстанция проникнет внутрь меня и я исчезну в ней без следа.

Потом на горизонте появился свет. Я медленными, робкими шагами направлялся прямо к нему. Тянул руки, чтобы как можно скорее дотронуться до него. Этим светом была замочная скважина.

Распахнув дверь, я очутился в какой-то комнате. С потолка свисали десятки изувеченных людских тел. Их лица скрывались под тряпичными масками. Трупы были выпотрошены, а их гниющие внутренности вонючими кучками покоились на полу, прямо под своими бывшими владельцами.

Я знал, что мне необходимо перебраться на другую сторо-

ну комнаты. Шаг, еще шаг. Склизкие, отвратительные туши касались меня, пачкая протухшей кровью. Я старался идти аккуратно, но раз за разом упирался носом в червивую плоть очередного тела. Трупы плотной стеной свисали предо мной. Казалось, они специально старались не позволить мне пройти этот путь до конца и выбраться на волю. Безмолвные стражи. Мерзкие, никчемные мешки с навозом, они рьяно охраняли святыню от всякого, кто осмелится оказаться здесь.

Потом я поскользнулся. Упал, перепачкавшись с ног до головы. Пополз на животе, стараясь отбрасывать в стороны зловонные куски плоти, преграждавшие мне путь. Трупы висели вниз головой, и их холодные пальцы то и дело задевали мои волосы и спину.

Внезапно уперся в чьи-то ноги. Белые, чистые, такие знакомые. Приподнялся на локтях и задрал голову вверх. Это была Хлоя. Девушка стояла предо мной совершенно голая. Улыбалась и курила свою тонкую сигарету. Я знал, что она явилась спасти меня. Освободить из этого кошмарного плена. Что было сил я обхватил ее изящные ноги своими руками и принялся жадно их целовать. Девушка смеялась. Смеялась все сильнее. Ее хохот разрезал зловещую тишину этой камеры пыток. Я продолжал целовать ее ноги, боясь отпустить их хотя бы на мгновение.

Затем в комнате появилась еще одна фигура. Женщина подошла так тихо, буквально крадучись, и, обняв Хлою со спины, улыбнулась мне.

– Привет, милый, – произнесла она вслух, и ее губы впились в губы Хлои.

Наш дьявольский треугольник замкнулся. В этом кошмаре, среди множества расчлененных трупов, свисавших с потолка, предавались похоти три сумасшедших человека. Я все страстнее, все сильнее наслаждался Хлоей, пока она напористо, с долей самоотверженности ублажала мою мать. Мы слились в кровавом экстазе, позабыв о нормах морали. И не было конца этому ужасу, поскольку не было конца нашей болезненной любви друг к другу.

7.

Очнулся. В комнате царил полумрак. Окно было приоткрыто, и холодный осенний ветер бесстыже задувал в него. Было зябко. Натянул одеяло по самое горло и рукой принялся щупать человека, лежавшего рядом.

– Опять снились кошмары? – раздался сонный, вялый голос моей жены.

Я скукожился. Попытался вспомнить, как добрался до дома, но ничего не получалось.

– Может быть, тебе принести стакан воды? – не унималась она.

– Нет, все хорошо, – ответил я. – Спи.

Она уснула, ну, или сделала вид, что уснула.

Я лежал на боку, уставившись в одну точку. Слабые очертания мебели стали вырисовываться из темноты ночи. Сомнений больше не было. Это была наша квартира. За стеной спит ребенок. Рядом со мной спит жена. За окном все тот же спальный район, с панельными домами и редкими автобусными остановками.

Подумал о Хлое. О том, как покинул ее теплую постель и брел через весь город к себе домой. Что я сказал ей напоследок? Что она ответила мне? Когда состоится наша новая встреча и будет ли эта встреча такой же прекрасной? Задумался о ее словах относительно отца. На свете происходит

много зла. Мы невольно становимся свидетелями и даже соучастниками тех или иных событий, против нашей воли. Наверное, это одна из составляющих нашей жизни, от которой никуда не денешься. Каждому уготована своя судьба, и всеходы в ней заранее predetermined.

Утром проснулся в хорошем настроении. Сам не знаю почему. Побрился, почистил зубы, умыл лицо прохладной водой. Жена сменила полотенца. Пахнут альпийской свежестью. Приятный запах. Этим утром он был особенно сладок.

Уселся за обеденный стол. Дочь рассказывала какие-то истории из школьной жизни. Я слушал, мне было интересно. Жена тоже улыбалась. Наверное, заметила мой помолодевший, посвежевший вид. Я улыбнулся ей в ответ. Искренне, без раздражения. Странно было подумать, что еще несколько дней назад я был готов разорвать ее на куски от негодования и злобы на весь белый свет.

По радио зачитывали новостные сводки. Среди монотонного дикторского трепа я распознал следующие фразы: «молодая пара», «пляжный дом», «зверски убита». У меня перехватило дыхание. Мне это не послышалось? Точно, так и сказали. Двух супругов нашли зарезанными в одном из частных домов, что располагался вблизи городского пляжа.

Какой кошмар. Мысли не укладывались в голове. Внезапно нахождение здесь, в кругу семьи, стало мне противно.

Забавно, но так часто случается: когда ты просыпаешься в хорошем настроении, тебе всегда подкинут повод вознена-

видеть эту жизнь.

Я встал из-за стола, попрощался с родными и отправился на работу.

Всю дорогу до конторы я неустанно прокручивал в голове утренние новости. Вспомнил свой сон. Вспомнил все, что рассказывал Хлое накануне. Это чудовищное совпадение. Какая-то глупая, нелепая ситуация, которая никак не могла уместиться в рамки реальности. Почему это происходит со мной? За что мне дарованы все эти мучения? Мне снятся кошмарные сны. Снятся трупы, отрезанные головы и зверские убийства. Все это нереально. Все это выдумка, игра разума. Скучающего, занудного, но все же разума. Фантазия, и не более того.

Весь рабочий день прошел как на иголках. Нервы сдавали, люди вокруг раздражали пуще прежнего. Мне не хотелось находиться здесь, в этих стенах. Они душили меня, заставляли мучиться. Хотелось перевернуть свой стол, разбросать все бумаги по углам и с диким воплем вырваться на свободу.

Во время обеда, в столовой, тоже звучало радио. Опять новости, и опять мне предстояло услышать о зверском убийстве молодой семейной пары. Выскочил прочь, даже не приронувшись к еде. Много курил, искал спасения в общении с коллегами. Хотел отвлечься от всех этих мыслей, но эти сволочи, как назло, неустанно обсуждали утреннюю трагедию.

Вечером ушел с работы одним из первых. Поймал такси и отправился на пляж. Таксист только и сказал:

– Что, тоже потрясены этой новостью? Да уж, не часто такое услышишь.

Расплатился по счету, вышел и осмотрелся.

Уже смеркалось. Чайки лениво кружили над водной гладью. Закурил сигарету и побрел вдоль океана.

Через некоторое время заметил дом, который был окружен со всех сторон желтой полицейской лентой. Так стражи порядка огораживают место преступления от посторонних лиц. Подошел ближе и осмотрелся. Кругом ни души. Пролез под ограждением, поднялся по ступенькам вверх и заглянул в окно. Там было темно. Сунул руку в карман, в пугающей попытке обнаружить там нож, но, к счастью, его там не оказалось. Стало как-то полегче, тревога, докучающая мне весь день, постепенно исчезала.

Внезапно вспыхнул яркий свет. Раздался мужской голос:

– Замри!

Я остолбенел.

– Повернись! – скомандовал голос еще раз.

Я повернулся. Свет от фонаря слепил меня, не позволяя разглядеть лицо стоящего поодаль человека.

– Кто вы такой? – спросил меня голос.

– Сэр, я прошу прощения. Я просто гулял, – промямлил я в ответ.

– Это место преступления. Вам запрещено здесь находиться.

– Прошу, не могли бы вы убрать фонарь. Он слепит мне

глаза, – взмолился я.

Мужчина подождал с несколько секунд, после чего направил фонарь мне в ноги.

– Я еще раз повторяю: вы находитесь на месте преступления. Назовите себя.

Голос принадлежал полицейскому. Одной рукой он держался за кобуру, очевидно, намереваясь в любой момент воспользоваться находящимся в ней револьвером.

– Меня зовут Клаус Морган. Сегодня по радио сообщили новость об убийстве. – Я старался говорить дружелюбно, не вызывая подозрений. – Понимаете, такая жуткая трагедия. Совершенно случайно этим вечером я оказался неподалеку отсюда и решил собственными глазами посмотреть на этот дом. Прошу прощения, офицер. Это было крайне неосмотрительно с моей стороны.

– Это уж точно, – сказал полицейский и кивком указал мне на то, чтобы я покинул это место.

Повинуясь, я спустился по ступеням вниз и, пройдя мимо представителя власти, поспешил убраться куда подальше.

Домой пришел поздно. Дочь уже спала, жена сидела на кухне и пила кофе.

Я был совершенно раздавлен. Ватное тело кое-как избавилось от одежды и направилось в ванную комнату. Набрав полную ванну воды, оно погрузилось туда целиком и закрыло глаза. Не хотелось думать, не хотелось дышать, не хотелось видеть белый свет. Я понемногу засыпал, растворяясь в

этой безмолвной тишине.

Меня разбудил телефонный звонок. Я слышал, как жена подошла к аппарату. Спросила, кто звонит, после чего положила трубку на стол и, подойдя к двери в ванную, тихонько произнесла:

– Это тебя, – потом добавила: – Какая-то женщина.

Я вырвался из водных оков и, нацепив на талию полотенце, поспешил к телефону.

– Слушаю, – запыхаясь, произнес я.

– Ты спал? – спросила она нежным голосом.

– Еще не ложился.

– Я бы хотела увидеться.

– Мне кажется, это можно устроить, – ответил я, стараясь придать разговору деловой тон. – Возможно, завтра мы могли бы обсудить детали этого отчета.

– Хорошо. Тогда я буду ждать тебя, – ответила Хлоя и повесила трубку.

Обернувшись, заметил стоящую рядом жену. Она смерила меня взглядом и произнесла:

– Ложись спать.

Зачем-то я решил оправдаться:

– Это звонили с работы. Какие-то вопросы по моему отчету. На завтра назначили встречу.

Сара меня уже не слышала. Она вернулась на кухню, уселась за стол и продолжила пить кофе.

Ложь порождает ложь. Как клубок, все эти бесхитростные

волокна вранья постепенно слепливаются вместе, превращаясь в огромный ком проблем. От всего этого не убежать, не скрыться. Начиная играть в эту игру, будь готов пойти до конца.

8.

По правде сказать, я не считаю себя порядочным человеком. Уже нет. Мне надоело врать себе, врать окружающим. Вся эта бессмысленная беготня на одном месте невероятно утомляет. Я осознаю, что причиняю боль своим близким, создаю вокруг себя воронку, которая растет с каждым новым днем и засасывает в водоворот проблем дорогих сердцу людей.

Однако отделаться от всего этого не так-то просто. Вернее сказать, не очень-то и нужно. В конце концов, чем я рискую? Что у меня есть? Семья? Работа? Многие люди живут совершенно обычной, скучной жизнью, в которой нет ни малейших приключений. Жизнь даровала мне такой шанс. Шанс почувствовать себя важным. Придала хоть какой-то смысл моему существованию. Я просто не имею права отвергнуть такой подарок.

Утро выдалось дождливым. Проснулся рано, жена еще спала. Отправился на кухню, приготовил завтрак и, когда домашние проснулись, презентовал им вафли с сиропом. Дочь была в восторге. Сара как-то холодно отнеслась к моим кулинарным талантам.

Ели молча. Потом она спросила:

– Вчерашний звонок, – она выдержала паузу. – Тебе раньше не звонили с работы, да еще в такое позднее время.

– Что ж, рано или поздно это должно было случиться.

– Кем работает эта женщина?

– Она занимается проверкой отчетов.

– И часто ей приходится назначать подобные встречи сотрудникам вашей конторы?

– Я не понимаю, к чему ты клонишь?

– Мне просто интересно, почему она позволяет себе такие поздние звонки. Неужели трудно было подождать до утра и назначить встречу лично?

– Откуда мне знать, с чего ей в голову пришла такая идея, – возмутился я. – Может быть, она работает допоздна и...

– Но ведь и ты работаешь допоздна, разве нет?

Я потупил взгляд.

– Ты постоянно говоришь, что на работе завал и тебе приходится подолгу засиживаться за отчетами. Неужели вы с ней не пересекаетесь и не обмениваетесь информацией? – Сара настойчиво перла, руша на своем пути все баррикады.

– Прости, но я не знаю, что тебе ответить, – сухо отреагировал я и засунул в рот огромный кусок вафли.

Она что-то подозревала. Конечно, глупо было надеяться, что все мои похождения останутся без внимания со стороны жены. По правде сказать, я вообще не думал на этот счет. Даже не придумал оправдательную речь на случай провала всей операции. Однако к подобным разговорам все равно нельзя подготовиться заранее, остается только импровизировать и

верить в лучшее.

Пока спускался по лестнице, принял решение, что на работу не пойду.

Выйдя на улицу, спрятался под зонтом и быстрым шагом отправился к автобусной остановке. Там, как всегда, толпилась куча народу. Подъехал автобус, люди плотной массой принялись набиваться внутрь транспортного средства.

Во время поездки рассматривал других пассажиров. Интересно, о чем они сейчас думают? О чем мечтают? Довольны ли они своей жизнью или же где-то глубоко в душе хотят совершенно иного? Чего-то более величественного. Задумываются ли они о том, кем стали? Заложниками повседневности, что день ото дня стремятся вернуться обратно, в свой убогий, крошечный домашний мир и зарыться поглубже в эту бездну, в эту болотную трясиину.

Внезапно накатила злоба. Мне захотелось выплеснуть всю ярость, всю скопившуюся агрессию на каждого из этих жалких попутчиков. Захотелось разделаться с ними самым жестоким образом. Выследить и покарать.

Опомнися. Плохие мысли все еще кружили в моем мозгу, и от них необходимо было избавляться. Я стал слишком неосторожен, слишком многое себе позволяю воображать. Такими темпами в скором времени совсем потеряю связь с реальностью.

Вышел на нужной остановке и прошел пешком несколько кварталов. Дождь лил как из ведра. Все вокруг выглядело

слишком мерзко, серо, как будто кто-то украл из этого города все краски и показал его истинную сущность.

Добрался до дома Хлои. У входа остановился, покурил, после чего проник внутрь здания. Помахал рукой консьержу. Вызвал лифт, выбрал нужный этаж и нажал кнопку.

Пока ехал вверх, опять появились плохие мысли.

Теперь мне почудилось, что в ее квартире живут совершенно незнакомые мне люди. Я иду туда, к ней, за спасением, а эти чужаки портят всю картину. Они хлопают глазами, говорят, что совершенно не понимают, о чем идет речь. Им неизвестна девушка, которую я ищу. Им, в конце концов, не нравится, что я так бесцеремонно вламываюсь к ним в жилище. Тогда я достаю молоток из своего портфеля и начинаю зверски избивать каждого, кто попадает на моем пути. Проламываю черепа женщине, мужчине, их маленьким вопящим детям. Забиваю их до смерти. Кровь густой жижей струится из их ран. Пачкаются стены, мебель, обеденный стол. Вся моя одежда покрывается красными брызгами. Я остаюсь один, у моих ног покоятся тела убиенных мною людей. Рука дрожит, но продолжает сжимать рукоятку молотка.

Потом лифт тормозит, открываются двери, и я возвращаюсь в реальность. Передо мной коридор, я неуверенными шагами двигаюсь по направлению к нужной мне квартире. Все внутри клоочет, волнение зашкаливает. А вдруг все окажется именно так, как я себе это представил? Неизвест-

ная семья, совершенно незнакомые мне люди, а Хлои нет и никогда здесь не было.

Подхожу к двери и стучу. Минуты ожидания подобны вечности. Наконец дверь открывается, на пороге появляется она, моя Хлоя. Улыбается и приглашает войти внутрь.

Спустя какое-то время мы сидим на кухне и пьем чай. Я делюсь с ней новостями, своими соображениями на этот счет и, конечно же, новыми снами и видениями. Она, подобно губке, впитывает в себя весь этот сумбур и как-то восторженно, слишком уж внимательно вслушивается в каждое сказанное мной слово.

– Ты очень хорошо умеешь рассказывать, – говорит Хлоя и закуривает сигарету. – Очень образно. Как настоящий художник, который не упускает ни одной, даже самой крохотной детали.

Потом она кладет свою руку поверх моей и говорит:

– Я рада, что мы познакомились.

Я улыбаюсь, поправляю очки. Понимаю, что выгляжу нелепо, как-то смущенно из-за всех сказанных ею слов. Она так молода, так красива и в то же время так наивна. Я смотрю на нее, в ее глубокие, бездонные глаза, и мое сердце замирает. В них блестит странный, звериный огонек. Она улыбается, и этот огонек разгорается еще сильнее.

– Как ты узнала мой номер телефона? – внезапно решил поинтересоваться я.

– Он есть в справочнике, – ответила девушка и откинулась

на спинку стула.

– Зачем ты позвонила так поздно?

– А что? Тебя это как-то смутило?

– Жена, она что-то подозревает.

Девушка рассмеялась.

– Клаус, ну ты же взрослый мальчик. Должен понимать, что измены – это не самое благородное занятие.

– Не думал, что ты называешь наши встречи такими словами.

– Милый, я бесконечно рада нашим свиданиям. Правда. Но, сказать по правде, ты же понимаешь, что твоя семья, безусловно, будет не в восторге от нашего общения. – Хлоя положила ногу на ногу и затянулась сигаретой.

– Я бы не хотел их сюда приплетать. Мне просто хорошо с тобой здесь, в этой квартире. Я как будто бы отдыхаю от всех неприятностей и забот внешнего мира. Прихожу сюда и расслабляюсь. – Я говорю эти слова, смотря куда-то в пол, словно боюсь встретиться взглядом и разрушить всю магию откровенности. – Мне бы не хотелось потерять все это.

Девушка улыбается, проводит рукой по моей щеке, и ее глаза, ее прекрасные зеленые глаза, полыхают настоящим огнем страсти. Они пугают, они манят, они расставляют свои капканы и терпеливо ждут, когда в них попадетсся слабый, забитый зверь, которого без труда можно освежевать и употребить в пищу.

Я смотрю на это юное создание и пытаюсь понять, за что

конкретно ее можно полюбить? За эти руки или за эти ноги? Может быть, за фигуру или эти чудесные красные губы? Скорее всего, за все вместе, за всю нее целиком. Мужчины не умеют ценить что-то конкретное, они всегда смотрят комплексно. Женщины же, наоборот, способны полюбить кого-то за отдельные, наиболее выраженные качества, зачастую именно их же впоследствии и уничтожая.

Я говорю:

– В будущую пятницу у меня день рождения.

Хлоя отвечает:

– Чудесная новость. Ты хочешь, чтобы я пришла к тебе в гости?

– Что? Нет, наверное, не нужно этого делать. – Я смутился и совершенно растерялся. – Я просто решил тебе сообщить. Мы можем отпраздновать это событие вдвоем, позже.

Она смерила меня взглядом и произнесла:

– Не волнуйся, мой милый Клаус, я не собираюсь портить тебе праздник.

Теперь я чувствую себя дураком. Впервые в общении с этой девушкой я поставил себя в глупую ситуацию. Стал уязвленным, уколотым в нерв. Она меняла правила игры. Она зашла куда-то дальше. Она собирается претендовать на что-то большее. Пожалуй, стоит признать, что я совершенно не владею ситуацией.

– Мы не обсудили тот инцидент на пляже, – опять внезапно выпаливаю я.

– Эти страшные убийства? – Девушка меняется в лице. – Господи, Клаус. Это просто глупое совпадение. Тебе так не кажется?

– Не знаю, слишком странно все это.

– Ты придаешь огромное значение такой ерунде, – отвечает она.

Затем Хлоя поднимается со стула, обходит меня со спины и обнимает. Прилив радости и тепла проходит через все мое тело. Своей нежной ладонью она закрывает мои глаза, отгоняет демонов с моих ресниц, и я погружаюсь в темноту. Ее губы касаются моего уха, и девушка начинает шептать что-то баюкающее, что-то усыпляющее мой разум. Я растворяюсь в этом, снова. Весь, без остатка. Слишком хорошо, слишком приятно и до ужаса страшно лишиться всего этого блаженства.

9.

Отправной точкой безумия может стать что угодно. Любое событие, любое потрясение способно освободить из зачтения тщательно замаскированные черты характера. Никто не в силах предугадать этот момент, и уж тем более никто не в состоянии сопротивляться подобному явлению. Нам остается только жить с этим всю оставшуюся жизнь. Глушить терзающий огонь внутри себя, борясь с его неустанным рвением вырваться за пределы человеческой оболочки и окончательно превратить вас в зверя.

Сколько бы я ни мучил свою память, сколько бы ни ковырялся в своем мозгу, мне так и не удавалось выудить оттуда еще какие-либо подробности детства. Все, что уже всплыло на поверхность, мне не нравилось, но я был абсолютно уверен, что где-то там, на самом дне этого болота, все еще покоится какая-то тайна.

Ночью плохо спалось. Снились мать. Снились комната с опущенными жалюзи. Сквозь некоторые из них просачивался слабый желтый свет, исходящий от фонарного столба, что располагался на парковке, напротив дома. Я был ребенком. Стоял в дверном проеме и наблюдал за тем, как женщина спит. В полумраке черты ее лица были практически неузнаваемы, но я был твердо убежден в том, что это именно она.

– Тебе что-нибудь нужно, сынок? – раздался женский го-

лос.

Мама очнулась и теперь тянула свои руки в мою сторону.

– Подойди ближе, хочу обнять тебя, – снова произнесла она.

Я сделал шаг вперед, затем другой. Подошел к ее кровати практически вплотную, но лица все равно не мог разглядеть. Холодные пальцы коснулись моей руки. Аккуратно, безболезненно. Однако они вызвали во мне какой-то испуг, захотелось отстраниться.

– Она тоже пришла, – как-то тихо сказала мама. – Можешь поздороваться с ней.

Я обернулся. Из темноты дверного проема приближалась какая-то маленькая, щупленькая фигура. Через секунду она приобрела образ девочки. Синяя курточка, юбка и красные колготки. Правда, вся одежда была какой-то потертой, порванной, грязной. В волосах запутались куски грязи и пожелтевшей листвы. Девочка прошла мимо и стала рядом с моим родителем. Я не смел пошевелиться. Мама отпустила мою руку, после чего выпрямилась и уселась на кровать.

– Вот увидишь, Клаус. Все обязательно будет хорошо.

После этих слов девочка издала какой-то странный звук, запрокинула голову назад, и та, оторвавшись от тела, приземлилась прямо на колени к моей матери. Женщина принялась гладить ее волосы и приговаривать:

– Все будет хорошо. Все обязательно будет хорошо.

Проснулся в холодном поту.

Я находился у себя дома, в своей постели. Сара спала рядом. Рукой смахнул испарину со лба и уселся на край кровати.

По правде говоря, мне до боли надоели эти внезапные появления в разных местах. Еще несколько часов назад я находился в квартире любовницы, а теперь сплю в своей постели, с женой. Эти провалы во времени не сулили ничего хорошего. В конце концов, я не мог с точностью сказать, что именно происходило в эти промежутки, может быть, что-то ужасное? Может быть, я, подобно обезумевшему лунатику, блуждал по городу в поисках жертвы. Вполне возможно, мои сны – это и не сны вовсе. Кроме того, это чудовищное убийство на пляже, оно в точности повторяет события одного из моих кошмаров. Вполне вероятно, что в своих бессознательных блужданиях я не способен отдавать отчет своим действиям. Слепо повинуюсь импульсу, какому-то врожденному оголтелому инстинкту, который неустанно подталкивает меня все ближе к краю бездны.

Остаток ночи провел на кухне. Курил, слушал радио и размышлял.

Почему мне приснилась девочка? Невинное создание. Поруганное и убитое каким-то кровожадным маньяком. Теперь я мог припомнить что-то подобное, что-то закопанное в могиле под названием «воспоминания из детства».

Кажется, тогда мне было лет шесть. Я гулял в районе гаражей, какой-то непонятной промзоны. Помню высокую, но

уже сухую траву, помню серые тучи над головой. Помню стаю собак, резвившуюся где-то неподалеку. Их лай эхом раздается у меня в голове. Помню, как случайно наткнулся на присыпанное пожухлой листвой тело. Помятое, порванное платье, разорванная курточка, но самое ужасное было то, что у этого тела отсутствовала голова. Завороженный этой чудовищной картиной, я стоял не смея пошевелиться. На дороге передо мной появилось несколько псов. Они носились друг за другом, катая по земле какой-то предмет. Этим предметом оказалась изгрызенная, испачканная в грязи голова убиенного ребенка. Похожая на кукольную, со светлыми запутавшимися волосами, она являла собой символ страха, символ неопишуемого ужаса, который только мог запечатлеть взгляд шестилетнего ребенка. Я стремглав бросился прочь от этого места, и конечно же, мне не хватило духу рассказать обо всем увиденном отцу. Гулять среди гаражей было запрещено, поэтому страх получить нагоняй от родителя затмил собой все увиденное в тот день.

Детский разум сумел справиться с ситуацией, и со временем воспоминания о той девочке камнем легли на дно памяти, рядом с кучей подобных пугающих или постыдных деяний.

По телу пробежала дрожь. Пепельница была полна сигаретных окурков. Я понимал, что вскрыл какую-то запретную дверь, но назад пути уже не было.

Первой проснулась Сара. Она неуклюже, зевая, выползла

из комнаты и, заметив сидящего меня за кухонным столом, как-то равнодушно произнесла:

– Я уж думала, ты опять куда-то пропал.

Она не спеша подошла ко мне. Я продолжал курить и пить кофе. Наверное, вид у меня был потерянный, помятый, какой-то несобранный. Потом я сказал:

– Мне кажется, я заболел.

– Да неужели? И чем же? – ее слова звучали с долей издевки.

– Не знаю. Мне просто нездоровится. – Я потушил сигарету о пепельницу и добавил: – На работу не пойду.

После этого уставшей походкой отправился в спальню и улегся на кровать.

Все вокруг мгновенно стало противным, неудобным, даже каким-то чужим. В голове прокручивались одни и те же мысли, по большей части связанные со смертью. Как ни старался, избавиться от них не получалось.

Засыпал. Сон был короткий и беспокойный. Тело пробивала дрожь. Мерещились какие-то фигуры, какие-то руки тянулись ко мне со всех сторон.

Ворочался с боку на бок, стонал и потел.

Снилось, что я бегу. Преследую кого-то. В моей руке зажат нож, и я жажду им воспользоваться. Моя жертва пытается ускользнуть, пытается скрыться от меня в этих городских джунглях. Я ненасытен, я неутомим, я не сбавляю темп и, подобно дикому зверю, настигаю добычу. Хватаю ее за пле-

чи и наношу несколько сокрушительных ударов в шею. Затем разворачиваю истекающее кровью тело лицом ко мне и с ужасом осознаю, что все это время я преследовал самого себя. Те же глаза, то же лицо, та же прическа. Мой двойник цепляется за жизнь, что-то хрипит, умоляет пощадить, ведь у него жена и дочь. Но я пропускаю эти слова мимо ушей и продолжаю резать плоть умирающей добычи.

Чья-то ладонь коснулась моего лба. Холодная, мягкая. Я, в полудреме, произнес запретные слова:

– Хлоя...

Но открыв глаза, увидел перед собой Сару. Она смотрела на меня пустыми, слезящимися глазами.

Потом я снова провалился в темноту.

Утро следующего дня встретило меня одиночеством. Жены и дочери дома не оказалось. Я встал с постели, умылся холодной водой и, обойдя все комнаты, безжизненно уселся на кухонный стул и закурил сигарету. Чувствовал себя паршиво, апатично и совершенно раздавлено. Создавалось впечатление, что все мои жизненные силы были отняты неизвестным существом и теперь здесь, в этой квартире, находится лишь жалкая оболочка, из которой полностью вытрясли все нутро.

Зазвонил телефон. Я лениво подошел к аппарату и снял трубку. Звонили с работы. Интересовались моим самочувствием. Я хриплым голосом уведомил их о том, что мне нездоровится и что ближайшие дни проведу дома. Кажется,

их не особо обрадовала эта новость, однако мне было совершенно плевать на их мнение.

Чуть позже позвонила Хлоя. Поскольку дома, кроме меня, никого не было, я позволил себе более развязный тон общения. Мы обсуждали мое самочувствие. Мои сны и опасения. Девушка была мила, обходительна. В ее голосе чувствовались забота и доброта по отношению ко мне. От всего этого становилось теплее, спокойнее. Я сказал, что скучаю по ней. Даже не видя ее лица, я понял, что она улыбается. Искренне. Тепло разливалось по моим венам, и все невзгоды, казалось, испарялись сами собой.

Хлоя успокаивала мою разыгравшуюся фантазию. Говорила, что все это не более чем вымысел, глупости, которые появляются в голове от элементарной скуки. Пожалуй, в этом я мог с ней согласиться. Она сообщила, что готовит подарок к моему дню рождения, правда, не сказала, какой именно. Я, само собой, отреагировал на это сдержанно, пытаясь убедить ее в том, что мне совершенно ничего не нужно, однако внутри все бурлило. Я ощущал себя мальчишкой, обыкновенным школьником, который рад любому вниманию со стороны понравившейся девочки.

Потом мы попрощались. Я повесил трубку и вновь улегся в постель.

На этот раз плохие мысли отступили, позволив мне забыться крепким сном.

10.

День моего рождения.

Все не задалось с самого утра. Порезался, пока брился. Пролил кофе себе на брюки. Жена практически не разговаривала со мной. Устроила какой-то глупый показушный бойкот. Конечно, стоило ожидать чего-то подобного после всех моих выходов, однако все равно не хотелось в этом участвовать.

Сара настояла на том, чтобы праздник состоялся. Не хотела нарушать традицию. Хотя мне кажется, что она просто побоялась оказаться в неловком положении перед крохотным количеством гостей, которым пришлось бы объяснять, почему вдруг все отменилось.

Я понимал, что рано или поздно придется объясняться с женой по поводу всех этих подозрительных звонков, моего отсутствия дома и вообще всего того бардака, что последнее время творился в моей жизни. Мне было страшно отвечать за свои поступки, было совестно во всем признаваться, было обидно за всю эту нелепую ситуацию.

Однако, несмотря на все вышесказанное, мысли мои целиком и полностью были посвящены Хлое. Я представлял ее сидящей здесь, в этой комнате, рядом со мной. Представлял ее глаза, ее руки и улыбку. Становилось теплее. Было странно замечать в себе два не сочетающихся между собой

состояния. Мне мерещились кошмарные изуверства, словно сошедшие со страниц дневников серийных убийц, и в то же время сердце трепетало от любви к молодой девушке. Я разрывался на части, купаясь в лучах своей эгоистичности.

Ближе к вечеру Сара начала накрывать на стол. Красивая посуда, столовое серебро, белоснежная скатерть. Я включил радио, поймал музыкальную волну, и по квартире тут же разнеслись джазовые мелодии. Мила рисовала, сидя в своей комнате. Она уже была одета в новое праздничное платье. Я стоял в дверном проеме и любовался ею. Маленькая, хрупкая, еще не познавшая всех ужасов этого мира. Моя дочь. Моя плоть и кровь. Она просто сидит здесь, в четырех стенах, и думает о чем-то своем, невинном. Я улыбаюсь, отвлекаюсь от других мыслей. Меньше всего на свете мне хотелось причинить ей боль.

Потом стали приходиться гости. Супружеская пара, с которой мы раньше часто виделись, общались, проводили время вместе. Они пришли раньше всех. Принесли бутылку отличного красного вина и подарили мне картину. Она была небольшого размера и обернута в крафтовую бумагу. Я принял подарок, тут же развернул упаковку и очень удивился тому, что было изображено на холсте. Это был городской пейзаж. Дожливый день, много промокших машин, редкие люди прячутся под зонтами – и тот самый элитный высокий дом, который с недавних пор стал для меня местом частых визитов.

Дрожащими руками поставил картину на кресло и не мог оторвать от нее глаз. Сара стояла позади и молчала. Гости были сконфужены. Они произнесли:

– Нам очень понравилась эта картина. – Потом добавили: – Надеемся, тебе она понравится тоже.

Жена попросила их снять верхнюю одежду и проходить к столу.

Я еще некоторое время как зачарованный рассматривал подарок. В окнах практически не горел свет. Лишь одно окно, на самом последнем этаже, тускло подмигивало мне с холста. Я пристально всматривался в него, словно стараясь разглядеть очертания знакомого силуэта. Окно манило меня какой-то невообразимой магией. Я погружался в этот сюжет с головой.

Рука легла мне на плечи, и я очнулся от грез.

– Все в порядке? – спросила Сара.

– Да, конечно, – хрипло ответил я.

– Там к тебе пришли. Кажется, с твоей работы.

Я никого не ждал с работы. Возможно, это какая-то ошибка. Метнулся в коридор и замер. В дверях стояла Хлоя. Она была прекрасна, как и всегда. Улыбалась и смотрела на меня каким-то горящим взглядом.

– Добрый день, – произнесла она.

– Привет, – ответил я. – Рад тебя видеть.

Сара стояла рядом.

– Ты нас не представишь? – спросила она.

– Ах да. Это Хлоя, она... мы...

– Мы вместе работаем, – улыбчиво перебила меня девушка. – У вас чудесная квартира.

– Спасибо, – ответила жена и смерила гостью взглядом. – Муж не сообщал мне о том, что будут гости с его работы.

– Да, прошу прощения, дорогая. Я забыл.

– Ну что же, проходите. – Сара удалилась в комнату, а я помог Хлое снять плащ.

Гости продолжали прибывать.

Подруга жены, они вместе работали в ювелирном. Высокая брюнетка в черном платье в горох. Пришла вместе с мужем. Он вручил мне бутылку дорогого коньяка и пожал руку. Сара с натянутой улыбкой пыталась сохранить веселость на своем лице. Приняла их верхнюю одежду, повесила ее в шкаф и пригласила всех к столу.

Все расселись по местам. Кто-то первым делом принялся разливать напитки по бокалам, кто-то занялся раскладыванием салатов по тарелкам. Я смотрел на Хлою, она сидела напротив меня, и на лице ее играла легкая улыбка. Мне было странно видеть ее здесь. В моей квартире, бок о бок с моей супругой. Мне было страшно за каждый ее жест, за каждый ее шаг. Я боялся, что тайна раскроется прямо сейчас, сию же минуту, в присутствии всех этих людей. Она молчала, просто смотрела на меня не отрывая взгляд. Смущала и одновременно с этим манила. Я сходил с ума, не в силах пошевелиться.

Зазвучал первый тост, все подняли бокалы. Я не мог разобрать слов, я оцепенел. Потом все выпили и начались типичные застольные разговоры. Воспоминания о прошлом, беседы о работе и планах на будущее. Дочь пересела за отдельный стол и продолжила заниматься рисованием.

Внезапно сквозь пелену гула, укутавшего собой все пространство вокруг меня, я смог различить какие-то членораздельные звуки. Говорил сосед.

– ...именно так, – донесся до моих ушей отрывок фразы. – Супермаркет и целые стеллажи отрезанных голов.

– Что за глупости? – возмутилась Сара. – Это точно произошло в нашем городе?

– Да. Я сам чуть с ума не сошел, услышав эту новость. Обнаружили сегодня утром. Вся полиция на ушах стоит.

– Кошмар какой-то, – вклинилась в разговор коллега жены. – Просто уму непостижимо.

– Говорят и мужские, и женские, и даже, – рассказчик обернулся в сторону моей дочери, которая совершенно не обращала внимания на наши разговоры. – Даже детские.

Гости растерянно смотрели друг на друга.

– Давайте сменим тему, – тут же предложила Сара.

Все согласились с этим.

От услышанной новости мне стало дурно. Закружилась голова. Я выскочил из-за стола и корявой походкой направился в ванную. За спиной прозвучали фразы: «Что с Клаусом?», «Ему нездоровится всю неделю».

Умылся холодной водой и несколько минут рассматривал свою физиономию в зеркале.

Кого же я видел перед собой? Маньяка? Полоумного убийцу? Стремительно сходящего с ума офисного клерка? Я не мог понять, кто этот человек. Мне казалось, что я знаю себя, знаю всю свою жизнь. Но, похоже, я ошибался. Обвел вокруг пальца себя самого. Притворялся нормальным, пока внутри зрел демон. Теперь эта нечисть вырвалась наружу и совершила множество ужасных поступков.

Мысль о том, что все мои сны происходили наяву, терзала мою измученную душу. Хотелось вырвать себе сердце и навсегда покончить с безумием, происходившим вокруг.

В дверь постучали. Это была Хлоя.

– С тобой все в порядке? – поинтересовалась она.

– Я не знаю, – отозвался я.

– Клаус, открой дверь.

Я подчинился.

– Это какое-то безумие. Я не могу поверить, что все это происходит со мной. По-настоящему. Наяву.

– Послушай, возьми себя в руки и успокойся. Все это можно найти простое, логическое объяснение, – твердо заявила Хлоя.

Она стояла напротив, почти прижавшись ко мне. Мое тело била мелкая дрожь. Я боялся смотреть в ее глаза. Боялся увидеть в них ненависть. Боялся потерять эту женщину. Боялся самого себя, того монстра, что живет под этой кожей.

В конце коридора появилась Сара. Я не сразу заметил ее и поэтому никак не смог среагировать. Да даже если бы и заметил, у меня не было сил сопротивляться действительности. Увидев нас, стоящих близко друг к другу, она замерла и лишь окликнула меня по имени. Хлоя обернулась, после чего вновь повернулась ко мне и, потрогав мою щеку своей нежной рукой, вручила мне конверт.

– С днем рождения, – произнесла она и, поцеловав меня в губы, быстрым шагом удалилась из квартиры.

Я не двинулся с места. Просто стоял, сжимая в руке подарок. Во рту ощущался странный привкус. Что-то незнакомое, что-то горьковатое, похожее на лекарство. Сара стояла напротив, даже не обернувшись в сторону уходящей Хлое. Она пребывала в растерянности, это было заметно по выражению ее лица, ее глаз. Я понимал, что тайна раскрыта, что назад пути уже нет.

Потом она подошла ко мне и вlepила пощечину. Щека, которую минуту назад ласкала нежная ладонь моей любовницы, горела огнем. Потупив взгляд, я не знал, как отреагировать на эту ситуацию. Там, в гостиной, за столом сидели люди, и в этот самый момент они явно обсуждали детали произошедшего. В той же комнате находилась моя дочь. Невинное создание, которое еще не догадывается, что пострадало от моих действий. Я люблю ее. Всем сердцем. В этот момент особенно сильно. Меня переполняет ненависть к самому себе, к своей слабости, к своему характеру. При-

шло осознание того, что я в одночасье лишился семьи и рассудка.

Если посмотреть на все это объективно, то у меня попросту не было никаких причин изменять жене. Можно оправдывать самого себя историями о том, что рутина меня доконала и я позволил себе некоторую встряску. Позволил минутной слабости взять контроль над разумом. Но нет, нужно быть честным с самим собой. Я ни капли не сожалею о содеянном. Я гнилой, отвратительный человек. Я пошел на это осознанно, отдавая отчет своим действиям. Мне слишком сильно нравилось играть в эту игру. Ведь отнимая жизни у других людей, я наверняка ликовал. Значит, рушить свой брак и унижать женщину, с которой прожил бок о бок столько лет, – это тоже своего рода форма убийства.

Я поднял взгляд, и он был полон ненависти.

Сара отступила назад, потом произнесла:

– Клаус, мне кажется, тебе лучше уйти.

Я прошел мимо нее, достал из шкафа свое пальто и надел его. Затем подошел к Миле. Она по-прежнему рисовала. Уселся на корточки рядом с ней.

– Это все не по-настоящему, дорогая. Это просто сон. Однажды ты откроешь глаза и все будет по-другому.

Она смотрела на меня непонимающим взглядом. Потом вручила мне рисунок. На нём был изображён я, в смешном праздничном колпаке.

– С днем рождения, папа, – произнесла она, и мы обня-

лись.

Из моих глаз брызнули слезы, пока я держал в руках это крохотное тельце. После этого я спрятал рисунок в карман и покинул квартиру. Гости в изумлении что-то кричали мне вдогонку, но их слова растворились в топоте моих ботинок по бетонной лестнице.

11.

Бежал по дождливым, холодным улицам. В груди колело, в голове стоял какой-то непонятный шум. Очертания предметов время от времени смазывались. Все вокруг напоминало странный, испорченный фильм, с плохим качеством и отвратительным звуком.

Иногда останавливался, обхватывая руками фонарный столб, и жадно глотал ртом воздух. Казалось, цель была близка и совсем скоро я спасусь, но на самом деле это самое спасение находилось гораздо дальше, чем я мог себе представить.

Квартал, еще квартал. Ноги сами несли меня к заветной квартире. Дождь обрушивался с неба нескончаемым потоком. Промок до нитки, но уже было все равно. Уже было на все плевать. Гудели машины, стараясь пробить дождливую стену слабым светом фар. Гудели люди, бегущие мимо меня. Гудел сам город, такой огромный и такой холодный, а я был всего лишь песчинкой, крупницей, борющейся со стихией и своим внутренним демоном.

Через некоторое время очутился в центре. Высокий элитный дом. Тот самый. С картины. Поднял голову вверх, пытаюсь разглядеть свет в нужном окне. Их сотни. Тысячи. Все сверкают, все такие яркие и такие манящие.

Краски сливаются воедино.

Снял очки и протер мокрыми руками промокшие глаза. Неровной, шатающейся походкой поднялся по лестнице и, подойдя к двери, распахнул ее, затем прошел внутрь здания.

Тепло, уютно и светло. Удивительно, но меня никто не встретил. Консьержа не было на рабочем месте. С одежды капала вода, образуя на мраморном полу лужи. Я перевел дух, старался дышать ровнее, но почему-то воздуха не хватало. Грудь словно сдавили тиски, и их напор с каждой минутой становился все сильнее.

Подошел к лифту. Дверь распахнулась, я зашел в маленькую, тесную кабину. Бросив взгляд на кнопки, понял, что тот пребывает в расфокусе. Цифры сливаются, путаются, становятся не похожими сами на себя. Сконцентрировавшись, нащупал нужную и нажал ее. Кабина начала подниматься. Я прижался спиной к стене и продолжал глотать воздух. Он был неприятным на вкус. Каким-то тяжелым и горьким. Все время хотелось выплюнуть его наружу.

Лифт остановился. Я вялой походкой выбрался в коридор. Все вокруг было окрашено во все тот же опасный красный цвет. Стены, ковер и даже потолок. Двери квартир, их было слишком много. Они находились по обе стороны от меня, но нужная была там, впереди, в самом конце этого длинного, бесконечного пути.

Человеческая натура глупа по своей сути. Жалкое, ничтожное существо, тянущее руки к костру, чтобы согреться, совсем не раздумывает о том, что в любой момент пламя мо-

жет причинить нестерпимую боль. Я был этим безмозглым существом. Бабочкой, летящей на свет электрической лампы. Мои крылья уже опалились, мои рецепторы не улавливали опасность, мой разум спал, погруженный в анабиоз. Я просто шел туда, в эту крохотную квартирку, к этим нежным рукам и этому голосу, который бесконечным эхом раздавался у меня в голове.

Дверь оказалась не заперта. Я слегка толкнул ее, и она распахнулась. В помещении царил полумрак. Сердце бешено колотилось в груди. Нащупал рукой на стене выключатель. Нажал, и слабый, тусклый свет озарил все пространство вокруг меня.

Можно было бы списать все увиденное на расстройство зрения, на мое внезапное плохое самочувствие и на мой помутившийся разум. Однако, увы, все это было реальностью.

Перед моими глазами предстала картина, вырванная прямиком из моих грез. Семейная пара, их дети и, наверное, друзья – все были убиты жестоким образом. У самого входа, на полу, валялся окровавленный молоток. Судя по всему, именно им были нанесены множественные удары по телам несчастных. Пробитые черепа, сломанные челюсти, вытекшие глазницы. Плоды трудов настоящего психопата. Ужаснее всего в этом было именно то, что подобную картину не так давно я представлял, пока поднимался в эту самую квартиру, к Хлое.

Земля уходила из-под ног.

Мысли о том, что к подобным действиям я мог иметь непосредственное отношение, перекрыли кислород окончательно. Мой больной разум был не в силах переварить плоды своей работы. Монстр вернулся в логово и растворился в череде садистских видений.

Я рухнул на пол. Потерял сознание. Где-то глубоко внутри я надеялся на то, что больше никогда не открою глаза и не вернусь в этот мир боли и насилия.

Там, за чертой реальности, меня встретила она. Хлоя. Девушка была такой же красивой, такой же привлекательной, но тем не менее совершенно другой. Ее руки были в крови. Ее глаза сияли странным блеском. Она уходила от меня, а я пытался догнать это видение. Что-то кричал, но она только изредка оборачивалась и улыбалась мне в ответ. Я продирался к ней через белые, перепачканные кровью простыни. Отбрасывал их в сторону, ускорял темп. Хлоя всегда была на шаг впереди.

Потом она замерла. Я подошел к ней сзади, схватил за плечи и развернул лицом к себе. Ее рот был зашит старыми, грязными нитками. Она хотела что-то сказать, но я не мог разобрать ни единого слова.

Затем ее взгляд ушел куда-то в сторону, мне за спину. Он становился другим, далеким и совершенно неузнаваемым. Это больше не была моя Хлоя, теперь это был кто-то другой, кто-то посторонний. Я в ужасе ослабил хватку и отпустил ее плечи.

Обернулся. Увидел себя, маленького, в объятиях матери. Мы были рады друг другу, и от нас исходил какой-то теплый свет. Я вдруг понял, что этим светом была любовь. Искренняя, настоящая. Только она была способна победить все зло, творящееся в этом мире. Но если любви нет и не было, то, наверное, не могло быть и спасения.

Пришел в себя. Все еще лежал на полу. Голова ужасно болела.

Кое-как сумел подняться на ноги. Гора трупов по-прежнему находилась на своем месте. Над телами уже копошился рой мух. Эти крылатые твари умудряются находить мертвую плоть слишком быстро. Торопятся вогнать в разлагающееся мясо как можно больше личинок, тем самым продолжив свой многомиллионный род.

Сколько времени я провел в отключке? Часы, дни, недели? Неизвестно.

Осмотрелся. Никаких признаков того, что здесь жила моя Хлоя, не обнаружил.

Поймал себя на мысли, что ничего конкретного не знаю про эту девушку. Ее возраст, ее фамилию, ее род деятельности. Совершенно ничего. Она была просто образом, который на короткое мгновение появился в моей жизни и перевернул ее с ног на голову.

Облизал пересохшие губы. Вкус какого-то лекарственного препарата все еще улавливался слабыми нотками.

Шатающейся походкой покинул квартиру.

Коридор был по-прежнему пуст.

Внезапно взгляд уловил, что дверь в соседнюю квартиру тоже была приоткрыта. Я нерешительно протянул руку и запахнул ее.

Комната была завалена множеством изувеченных тел. У каждого трупа отсутствовала голова. Вырвана, в буквальном смысле слова. Жилы торчали наружу, края ран больше походили на рваные куски, нежели на аккуратные спилы. Убиенные лежали в хаотичном порядке и больше напоминали ненужные вещи, которые кто-то второпях бросил в угол. Судя по всему, здесь были тела всех возрастных категорий. Кровь перепачкала всю их одежду, заляпала собой стены и всю мебель.

Затем я принялся в хаотичном порядке врываться в другие квартиры. Все они были полны гниющих останков человеческих тел. Их было слишком много. Целый этаж мертвецов. Кровь просочилась в коридор, впитавшись в ковер и стены, превратив все вокруг в самый настоящий музей смерти.

Самые жуткие кошмары стали реальностью. Я ринулся к лифту и принялся лихорадочно нажимать кнопку вызова.

Лифт прибыл. Я еще раз бросил взгляд на зловещую квартиру и покинул кроваво-красный этаж.

Пока ехал вниз, размышлял на тему всего происходящего в моей жизни.

Была ли это реальность или же я пребываю в коме и все это мне только снится? Все эти убийства, все эти новые увле-

чения, ссора с женой, уход из семьи и встречи с таинственной особой, которая разбудила во мне скрытые кровожадные чувства. Было ли все это взаправду или же мой разум умер, нарисовав напоследок эту странную, несуразную историю? Ответа я не знал, да и, наверное, не слишком-то хотел его знать. Еще недавно я радовался тому, что в моей жизни появилась тайна, теперь же я готов был отдать что угодно, лишь бы вернуться к себе прежнему, обычному человеку.

А кем была она? Девушка, чей образ навечно застрял в моей голове. Почему выбрала именно меня? Зачем позволила всем этим видениям стать правдой? Она, подобно суккубу, питалась моими историями, позволяя мне выплескивать горести и переживания наружу. Подбирала их, выпитывала, забирая мое прошлое, мой внутренний мир. Я был рад отдать все, что таилось в моей душе, был счастлив поделиться самым сокровенным хоть с кем-то. Этим кем-то стала Хлоя, и ей каким-то образом удалось освободить из заточения мою истинную сущность.

Засунув руку в карман пальто, обнаружил конверт. Подарок от моей любовницы. Распечатал. Внутри находился билет в кинотеатр. Премьера нового фильма Немого режиссера. Я уже и забыл про него.

Какая-то толика радости промелькнула внутри меня и тут же угасла.

Нужен ли мне был этот фильм? Ответ на этот вопрос повис в воздухе. Теперь вокруг происходят вещи за гранью ре-

альности. Я медленно перестаю ассоциировать себя с этим миром. Все нормальное внезапно стало таким отталкивающим. Таким чужим, противным. Я раскалывался на две части. На добро и зло. Но с каждой новой секундой добро захлебывалось в зловещей трясине ненависти ко всему, что происходит вокруг.

Взглянул на билет. Премьера была назначена на ближайший четверг. Нужно было как-то скоротать время до этого дня.

Лифт остановился на первом этаже. Двери распахнулись. Пусто. Приглушенный свет. Консьержа по-прежнему не было на своем рабочем месте. Да и вообще все вокруг имело несколько заброшенный вид.

Сколько же времени я проспал?

Выйдя на улицу, удивился увиденному снегу. Все вокруг было завалено белыми сугробами, с толикой грязи по краям дороги. Я растерянно осмотрелся. Тишина. Нет ни одной машины. Люди тоже куда-то исчезли. Я стоял совершенно один, в центре города, рядом с огромным, зловещим зданием, чьи окна больше не светились, превратившись в пустые, бездонные пропасти.

Хлоя появилась из ниоткуда. Она подошла ко мне, улыбнулась и протянула сигарету. Я безмолвно принял ее. Закурил.

Девушка улыбалась. Красные губы манили к себе, как и прежде. Она молчала, просто рассматривая меня всего, с ног

до головы. Словно пыталась понять, как такой жалкий человек мог привлечь ее внимание. Я и сам хотел бы получить на это ответ.

Холод сковывал мои пальцы. Они покраснели. Зажимать сигарету становилось все труднее, поэтому я просто оставил ее во рту, а руки поспешил спрятать в карманы пальто.

Так мы и стояли друг напротив друга. Потом девушка подошла ко мне вплотную и обняла.

– Клаус, открой глаза, – прошептала она мне на ухо, и я повиновался.

12.

В зале все еще горел свет. Люди поспешно занимали свои места. Суета, болтовня. Табачный дым заполнил собой все пространство вокруг. Я сидел на последнем ряду, с краю. Все такой же: помятый, усталый, сонный. Осмотрелся вокруг, пытаюсь вспомнить, как здесь очутился. Мысли путались в голове. Ничего логичного и конкретного на ум не приходило. Разжал кулак, в нем оказался скомканный билет на премьерный показ нового фильма Немого режиссера. Значит, я был в малом зале кинотеатра «Роден».

Через секунду свет погас. Голоса постепенно стихли. Перед моими глазами находилось множество голов, все взгляды были устремлены на черный экран. Людей было много. Они стояли всюду. Но никто не посмел издать ни звука, все как один безмолвно ожидали начала показа фильма.

Началось.

Я с замиранием сердца наблюдал за всем тем, что происходило на экране. Герои, их реплики, их жесты и движения. Все это я уже видел, знал каждый сантиметр этой киноплёнки. Сюжет, сотканный из отрывков моей жизни, моих снов и видений. Моих рассказов, моего прошлого и настоящего. Все было слеплено воедино. Структурировано. Выстроено по порядку, от рождения к зрелости. Каждый эпизод я знал наизусть. Все то, что происходило со мной за послед-

нее время, отображалось на экране, только роли играли другие люди. Здесь было мое детство, все эти сюрреалистические воспоминания с удивительной точностью были вкраплены в фильм. Образ матери, описание места, где я рос. Все до малейшей детали отображалось на черно-белом экране.

Наблюдая за своей жизнью со стороны, я постепенно приходил к выводу о том, что мое внезапное перевоплощение в кровожадного маньяка, по сути, кажется логичным. Все указывало на подобный исход. С самого детства меня окружали боль и отчаяние, которые я носил в себе все эти годы и в конце концов выплеснул наружу.

Я не мог оторвать взгляд от увиденного. Не мог поверить в то, что все это обрело четкую форму. Моя сотканная из клочков воспоминаний жизнь наконец-таки упорядочилась. Все внутри ликовало, трепетало, но снаружи я оставался спокоен и непоколебим. Это странное чувство, что ты никак не можешь подобрать ключи к замку от своего дома, рассеивалось.

Я вернулся. Я успокоился.

Конечно же, я понял, что обо всем, что творилось в моей жизни, знал только один человек. Хлоя. Именно ей я доверял все свои тайны, впускал в свой внутренний мир, дарил ей все эти истории и образы. Теперь я точно знал, что наша встреча была не случайна. Она искала добычу, расставляла сети, и я, подобно мелкой мошке, угодил в эту ловушку. Девушка искала сюжет, а я смог дать ей гораздо больше, чем мне ка-

залось. И в этом ее заслуга. Она находилась бок о бок с монстром и при этом ловко управляла им. По итогу ей удалось сделать отличный фильм, который поклонники еще долго не забудут, а мне посчастливилось прикоснуться к прекрасному и разобраться в самом себе.

Однако меня смутил финал этой драмы. Главный герой приходит домой и обнаруживает свою дочь и жену мертвыми. Их выпотрошенные тела лежат на полу, в луже собственной крови. На этот раз автор позволил себе сделать небольшое отступление от оригинала, повергнув зрителей в шок. Герой опускается на колени, после чего ложится с ними рядом. Экран гаснет, появляются титры.

Овации последовали незамедлительно. Зажегся свет, и зал буквально взорвался аплодисментами, а я искал глазами в толпе ту, что смогла создать этот шедевр. Гул набирал обороты, все скандировали «Немой», восхваляя заслуги режиссера. Я пытался уловить хотя бы мельком лицо моей Хлои. Хотел просто удостовериться, что она была рядом и переживала все это вместе со мной. Но увы, среди множества снующих в разные стороны фигур я не мог распознать нужную.

Внезапно я уловил запах духов. Легкий, небрежный, но такой знакомый.

Она прошла мимо, цокая каблуками, в объятиях другого мужчины. Новой жертвы, чьими историями будет вдохновляться долгое время. Лица я не разглядел, но был уверен в том, что это была именно Хлоя.

Я еще какое-то время смотрел вдаль уходящему образу, который постепенно сливался с десятком других силуэтов, пока не растаял окончательно. Словно сама жизнь ускользнула у меня из рук. Она больше не принадлежала мне. Уже нет.

Вопреки всем моим суждениям, мой демон обрел человеческий облик, и этим обликом был не я, им была Хлоя.

Потом я отправился домой. Снег медленно падал с неба, укутывая собой этот сонный город. Я был опустошен и в то же время окрылен всем произошедшим. Мне не о чем было жалеть, и пусть я так до конца и не понял, кто стоит за всеми этими убийствами, я или она, хотелось верить в то, что жизнь сама расставит все по местам и воздаст каждому по заслугам.

Поднявшись на нужный этаж и подойдя к своей квартире, я замер. Что ждало меня за этой дверью? Какой финал был уготован мне настоящему? И каким будет мой завтрашний день? На эти вопросы мог ответить только я сам.

Вставив ключ в замочную скважину, я сделал пару оборотов и распахнул дверь.

Моя семья ждала меня дома.

Конец.